

The background of the cover is a dark blue night sky with a large, pale full moon in the upper right. A gnarled, leafless tree trunk extends from the left side across the top. Below the sky are rolling green hills. In the foreground, two grey wolves are running from left to right. The wolf in front has its mouth open, and both have glowing yellow eyes. The ground is dark with patches of light grey snow or frost.

Анна Чеблакова

Смерть волкам

Книга 1

Анна Чеблакова

Смерть волкам. Книга 1

«Издательские решения»

Чеблакова А.

Смерть волкам. Книга 1 / А. Чеблакова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858530-2

В мире, где идёт война между людьми и оборотнями, опасность подстерегает на каждом шагу. Что ждёт тех, кто сумел выжить после нападения оборотня, но отныне обречён каждое полнолуние превращаться в безжалостного убийцу? Есть лишь два пути — погибнуть от руки охотников или присоединиться к стае жестокого вожака Кривого Когтя. Но что, если есть и третий путь?

ISBN 978-5-44-858530-2

© Чеблакова А.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
1	6
2	8
3	13
4	16
5	19
6	23
7	26
Глава вторая	30
1	30
2	34
3	38
4	41
5	45
6	49
7	51
8	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Смерть волкам Книга 1

Анна Чеблакова

© Анна Чеблакова, 2017

ISBN 978-5-4485-8530-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Эта ночь

1

Небо не было синим – оно было тёмно-серым, как чугун, и таким же тяжёлым. Кроны деревьев не были зелёными – они были чёрными, как будто кто-то искусно вырезал их из серого фона, открыв прячущуюся за ним пустоту. Кровь должна была оказаться не красной, а чёрной, как дёготь. В ночь полнолуния весь мир казался оборотню чёрно-белым, и только Луна, похожая на огромную сияющую жемчужину, была такой же, как и во все другие ночи.

Кривой Коготь мог бы бежать гораздо медленнее, но у него было такое хорошее настроение, что он нёсся, не чувствуя усталости. Разве есть что-то, сравнимое с полнолунием, с силой и скоростью, на которые способен лишь оборотень? Пятна света и тени прыгали и плясали у него перед глазами, кровь стучала в висках и сердце билось так быстро, что, казалось, сам его учащённый стук подгоняет оборотня: «Быстрее! Быстрее! Быстрее!»

Его большие острые уши, отогнутые назад, улавливали малейший звук, и он с удовольствием отмечал, как бесшумно движется – ни одна веточка не хрустела под лапами, и только слышались мягкие тяжёлые удары подошв о землю, шум воздуха в моменты длинных прыжков и лёгкий стук кусочков дёрна, вырываемых из земли когтями. Он-то это слышит, но вот человек – нет. Они вообще ничего не слышат, пока не зарычишь им в самое ухо.

Его жёлтые глаза были сошурены и смотрели вперёд. В обличье волка он не мог видеть то, что находилось под его носом, но зато прекрасно видел то, что находилось справа и слева. Он вырвался на высокий берег лесного озера, и левый глаз уловил его отражение в сером и ровном, как и небо, зеркале воды – отражение бежало с такой же скоростью, как и он, большое тело с горбатой, как у гиены, спиной было вытянуто в струнку, длинные передние лапы с силой вонзались в землю, более короткие задние с силой отталкивались от неё. Будь он человеком, он бы хохотал во весь голос – так ему было радостно от влажного воздуха, запаха озёрных глубин и сохнувшей листвы... и запаха человека.

Как стрела, он ворвался в лес, совершенно тихий – птицы улетели из гнёзд, а звери покинули норы и тропы ещё со вчерашнего дня, когда он, ещё будучи в облике человека, пришёл сюда. И эта тишина отзывалась в нём беззвучным воинственным кличем: «Быстрее! Быстрее! Быстрее!»

Человек двигался ему навстречу – двигался медленно, шагом, но всё же приближался. «Он уже близко, – думал Кривой Коготь, отталкиваясь лапами от скользкого, росистого ствола поваленного дерева. – Дурак. Впрочем, чего ещё от них ждать? Ведь у них нет чутья. Ему ещё повезло, что сегодня ночью я не хочу его убивать. Быстрее! Ещё быстрее!»

Ещё один бесшумный прыжок – и он затаился за кустом можжевельника. Пара шагов в сторону – вот человек, стоит на коленях в траве возле куста бузины, шарит руками по траве – что бы он там ни потерял, ему это не поможет. Сейчас или никогда – второго шанса может и не быть, полнолуние снова настанет лишь через месяц, а после пятнадцати лет ждать ещё четыре недели он был не намерен. Кривой Коготь улыбнулся – да, волчьей пастью он тоже умел улыбаться – а потом тихо зарычал.

Человек поднимает голову. Лицо его испуганное и бледное, такое же белое, как и луна. Он далеко не сразу замечает Кривого Когтя – проходит несколько секунд, несколько очень длинных секунд, которых оборотню хватило бы, чтоб разорвать мальчишке горло, прежде чем

его светлые глаза останавливаются на звере и распахиваются от ужаса так, что ресницы касаются кожи вокруг век.

Он не кричит. Просто вскакивает на ноги и бросается наутёк. Но он не может бежать быстро – он не оборотень. Пока что.

Один прыжок – и лапы Кривого Когтя касаются того участка земли, трава на котором ещё не расправилась после колен человека. Желудок вздрагивает, предвкушая солёную вкусную кровь. Первая капелька вязкой слюны срывается с чёрных губ и падает на землю.

Наконец-то.

2

Когда приходило время взимать плату за проживание, Лантадик Нерел почти всегда отправлял за этим своего сына Тальнара. Причин тому было несколько: во-первых, с возрастом старые раны усугубились прогрессирующим артритом, и Лантадику было уже не так легко преодолевать дальние расстояния – а для того, чтобы дойти до его старого дома, требовалось не менее, чем полдня. Во-вторых, с тем домом были связаны тяжкие воспоминания, до сих пор заставлявшие его кричать от ярости во сне и часто погружавшие его в мрачное настроение. В-третьих, он был уверен в том, что его сын – мягкотелый бездельник, которого необходимо чем-то занять. Последнее, впрочем, не мешало ему покупать себе папиросы и пиво на деньги, которые Тальнар зарабатывал, давая уроки танцев.

Ранним утром августовского полнолуния Тальнар спустился со второго этажа уютного, хоть и не слишком чистого, дома в городе Станситри, который они с отцом занимали уже больше десяти лет. К тому времени Лантадик уже ушёл по каким-то своим делам – как был уверен Тальнар, он снова бродит по улицам, грызя папиросу, или сидит в каком-нибудь кабаке, который работает с раннего утра, с каждым глотком пива всё глубже погружаясь в свои горькие и злые мысли, или выбивает ненужные ему фоторамки и игрушки в тире. Однако Лантадик не мог уйти, не поручив своему сыну какое-нибудь дело – вот и сейчас Тальнар обнаружил в комнате, служившей и гостиной, и столовой, на столе, служившем и для еды, и для смазки оружия, записку от отца. В ней он напоминал Тальнару, что сегодня расчётный день, а значит, нужно сходить в их старый дом.

Тальнар убрал записку в карман. О том, что сегодня ему снова нужно будет прийти на окраину деревни Хорсин, где стоял дом егеря, он знал не хуже отца. За последние четыре года, с тех пор как в пустующей хибаре появились жильцы, он ходил туда несколько раз в год, а с тех пор, как отец решил окончательно сложить с себя и эту обязанность, – каждый месяц. Накидывая лёгкую летнюю куртку в прихожей, Тальнар улыбался – этот поход за деньгами наверняка станет последним. В конце августа он уедет в Риндар, где его уже приняли в университет, и вряд ли когда-то ещё увидит этот старый дом, в котором жил его отец, будучи егерем, и в котором умерла его мать.

За пятнадцать лет, которые прошли с ночи её убийства, Лантадик больше не женился, хотя не одна женщина хотела бы стать хозяйкой в его доме и новой матерью для Тальнара. Последнее понять можно было легко: такого ласкового, тихого, хорошенького и скромного мальчика было поискать. Никогда не грубит старшим, не лезет в грязь, не рвёт брючки на коленках, не дерётся и не дразнит девочек. Чудный ребёнок, вот только Лантадик так не считал. Спору нет, он любил сына, но всё же его удивлял и раздражал спокойный, даже вялый характер мальчика. Лантадик рассчитывал на то, что сын станет его помощником и преемником, но вот беда, Тальнар никакого интереса к егерскому делу не испытывал. Он умел стрелять и неплохо ориентировался в лесу, но куда больше ему нравилось сидеть тихонько в уголке с книгой или уходить гулять в одиночестве, подальше от компаний шумных мальчишек, которые его недолюбливали и частенько поддразнивали, а иногда и старались поколотить. Те времена уже давно миновали, но неприязнь отца никуда не делась, и именно это, а не жажда развлечений и шика столичной жизни, подтолкнуло Тальнара к отъезду из города.

Чаще всего их разногласия происходили из-за работы Тальнара. Молодой человек с детства ходил в танцевальную школу в Станситри. Собственно, гордое название «школа» это заведение получило непонятно отчего: скорее это был просто кружок. Его создатель, пожилой танцор по фамилии Иврэн, брал за уроки очень маленькую плату, зато уж работал с отдачей: найдя талантливых мальчиков и девочек, не давал им никаких поблажек. Тальнар был единственным мальчиком в младшей группе этого кружка, и если кто-нибудь другой на месте

Иврена не напрягал бы единственного кавалера, этот тренировал Тальнара до изнеможения. К семнадцати годам Тальнар научился танцевать так хорошо, что даже выступал на редких праздниках. Отцу это очень не нравилось. Танцы казались ему потерей времени, занятием, недостойным мужчины. Тальнар же в ответ на все отцовские нападки предпочитал отмалчиваться. Когда Иврэн неожиданно умер, и все его ученики остались без наставника, Тальнару пришла в голову идея самому попробовать себя на учительском поприще, и однажды он пришёл в маленькую деревню Хорсин недалеко от Станситри. Там он попросил у старосты деревни три раза в неделю арендовать помещение школьного спортзала для занятий танцами, обещая отдавать треть полученных за уроки денег. Прикинув выгоду, староста согласился, и Тальнар в тот же день вывесил возле входа в школу сделанное своими руками объявление о том, что в школе открывается танцевальный кружок.

Когда в назначенный для первого занятия день он пришёл в Хорсин, то увидел у дверей спортзала двадцать взволнованных девочек от десяти до пятнадцати лет, и ни одного мальчишки. Тальнара это не обескуражило, он невозмутимо открыл двери и пригласил девочек внутрь.

Прежде всего он назначил дни и часы новых занятий, потом обговорил оплату – за один урок он назначил цену в два нома. За эти деньги можно было купить разве что пару пирожков в школьном буфете, так что новых учениц Тальнар вовсе не обирал. Тем более что деревня была не особенно бедной.

Дело быстро пошло на лад. Три раза в неделю, покончив с занятиями в школе, Тальнар бежал в Хорсин. Со временем познакомившиеся с ним крестьяне стали подвозить его на телегах. Поначалу у девочек мало что получалось, но мало-помалу танцевать они учились. Их спинки выпрямились, движения стали плавными и грациозными. Глядя на них, на занятия стали подтягиваться и другие девушки, а за ними пошли и парни. Деньги потекли к Тальнару рекой, и, хотя треть приходилось-таки отдавать в уплату за аренду спортзала, благосостояние семьи Нерелов, давно дышащее на ладан, немного возросло. Это признавал даже Лантадик, презиравший увлечение сына. Но не деньги были главным, ради чего Тальнар работал – ему просто нравилось учительствовать.

В мае из-за того, что он готовился к экзаменам, Тальнар прекратил занятия. Но летом он их опять возобновил: он намеревался уехать в Риндар, столицу, и поступать там в университет, а для жизни в таком большом городе требовались деньги, которых у Лантадика было очень мало. Тогда он ещё не знал, что никогда не увидит ни столицы, ни университета.

Улицы Станситри ещё были пусты, и Тальнар не встретил никого из знакомых. Вскоре он вышел за пределы городка, прошёл мимо ям и терриконов старых шахт, закрытых много лет назад, немного прошёл по шоссе, ведущему на юг, а затем углубился в лес.

Август ещё только перевалил за середину, и в лесу стояла замечательная погода – не было ни чрезмерного жара, ни пронизывающего осеннего холода. Солнце не палило, а мягко светило с небес, и воздух был чистым и прозрачным. Тальнар шёл по тропе, сняв куртку и закинув её на плечо, наслаждаясь тёплым безветренным днём, а на лице его сияла беспечная мечтательная улыбка. Ему было восемнадцать лет, и он был фантастически хорош собой – среднего роста, тонкий, гибкий, как молодое деревце, с блестящими пепельно-русскими волосами, мягкими волнами падавшими на уши и шею, с матовой светлой кожей и серыми, как пасмурное небо, глазами. В его прекрасной внешности не было ни одной резкой или грубой черты. Неудивительно, что у него было немало поклонниц, что временами его смущало, но в общем ему дела до них не было.

Егерский дом стоял в лесу неподалёку от Хорсина – точнее, Хорсин находился теперь рядом с ним. Пятнадцать лет назад деревенька была довольно мелкой, и от неё до егерского дома нужно было идти не меньше часа. Теперь же деревня разрослась, и путь от окраины Хорсина до порога сторожки занимал не больше десяти-пятнадцати минут. Это было удобно для

тех, кому Лантадик Нерел сдал дом четыре года назад. Но дорога до Станситри была куда длиннее. Тальнар вышел из городка около десяти часов утра, а добрался до цели только в два часа дня – правда, шагал он не торопясь и пару раз присел отдохнуть минут на тридцать.

На подходе к дому он вдруг услышал выстрел. Тальнар замер. Не может быть, чтобы кто-то охотился так близко от деревни! Оглядываясь по сторонам, он свернул со своей дороги на тропу, которая вела из Хорсина и проходила рядом с поляной перед егерским домом. Не успел он сделать нескольких шагов, как выстрел повторился.

– Отлично, Веглао! – крикнул молодой мужской голос. – Уже лучше.

– Ничего не лучше, – ответил сердитый девчоночий голос. Тальнар улыбнулся и решительно направился к дому. Через несколько шагов он уже выглядывал из-за высоких деревьев, колоннадой окружающих небольшую поляну, в глубине которой стоял тёмный от сырости деревянный дом с высоким крыльцом, маленькими окнами и замшелой крышей. К одному из деревьев на противоположной от Тальнара стороне был прикреплен листок бумаги с нарисованной на нём мишенью. Тальнар вышел из-за деревьев, и двое стрелявших одновременно обернулись на шум его шагов.

Это были высокий красивый парень с тёмными волосами и худенькая девочка-подросток, очень на него похожая. Девочка, стрелявшая по мишени из положения лёжа, при виде Тальнара поспешно, не глядя на него, вскочила на ноги и принялась отряхивать листья с брюк.

– Ах, это ты, Тальнар, – сказал парень, кивнув ему. – Привет.

– Привет, Ригтирн, – ответил Тальнар. Ригтирн был красивым, статным юношей двадцати двух лет, сильным и стройным, с яркими зелёными глазами и тёмно-русыми волосами. Для любой девушки он мог стать отличным женихом, вот только не каждая захочет себе в мужа меланхоличного и мрачного парня, на лице у которого никогда не появляется улыбка. Стройная тёмно-русская девочка, стоявшая рядом с Ригтирном, была его младшей сестрой Веглао, тоже ходившей в танцевальный кружок. Тальнар припомнил, что она была одной из самых старательных его учениц.

– Здравствуй, Веглао, – приветливо сказал он.

– Здравствуй, – проговорила она, покраснев, и, покосившись на пистолет, который держала в руке, быстро убрала его за спину. С самого первого дня – а она была в числе пришедших на первое занятие – Веглао почему-то ужасно стеснялась Тальнара, и заливалась краской всякий раз, когда он хвалил её или делал ей замечание.

– А мы тут пострелять вышли, – сказал Ригтирн, кивая на ствол дерева с прилепленной на них бумажной мишенью.

– О, – проговорил Тальнар, – понятно.

Веглао подняла на него свои внимательные тоскующие глаза. Они у неё не отливали такой нежной зеленью, как у брата, их цвет балансировал между зелёным и серым. Тальнар посмотрел на неё, и она поспешно отвернулась.

– А у нас будут уроки в этом году? – выпалила она, не глядя на него, и тут же залилась краской – сообразила, какой это глупый вопрос. Тальнар помимо воли дёрнул уголок рта:

– Жаль со всеми вами расставаться. Но уроков не будет, мне придётся уехать. Ригтирн, я пришёл, чтобы...

– Ах, да, – кивнул Ригтирн и обратился к сестре: – Я сейчас приду, Веглао. Не подстрели никого, – добавил он с улыбкой и направился к дому. Тальнар остался ждать его, заложив руки за спину и слегка покачиваясь на носках. Благодаря долгим занятиям танцами каждое его движение и любая, даже небрежная, поза были само изящество. Веглао не могла оторвать от него глаз.

– Жаль, что ты уезжаешь, Тальнар, – проговорила она наконец, ловя его взгляд. Тальнар скопил на неё глаза:

– Почему жаль? Я ведь не навсегда, – беспечно сказал он, в душе уверенный, что больше никогда не вернётся в Станситри и Хорсин. Веглао тоже была в этом уверена – она понимала умом, что такому блестящему и утончённому юноше, каким казался ей Тальнар, нечего делать в бедной и скучной провинции, но её сердце понимать этого никак не желало.

– Ты и в самом деле хочешь уехать? – спросила она, глядя на носок своей туфельки, которым ковыряла землю. – Ведь Риндар – это ужас как далеко... Ты не будешь скучать по Хорсину?

«Скучать по мне», хотела она сказать, но ей хватило ума промолчать. Тальнар снова посмотрел на неё – сверху вниз, но без всякой снисходительности.

– Даже если бы и не хотел, остаться я уже не могу, – дружелюбно ответил он. – Меня приняли в университет. А вот и Ригтирн.

Ригтирн соскочил с крыльца и быстро подошёл к Тальнару.

– Вот, – сказал он, протягивая ему зажатые в ладони банкноты. – Это за август. Двадцать восемь ном, как и договаривались.

– Как и договаривались, – повторил Тальнар, кивая и забирая деньги. Он поспешно убрал их в карман, как будто ему было неприятно на них смотреть.

– Почему ты всегда приходишь за платой в середине месяца, а не первого или последнего числа? – поинтересовался Ригтирн. – Хотел узнать, прежде чем уедешь.

Тальнар кривовато улыбнулся, как человек, которому не очень-то нравится то, о чём он хочет сказать:

– Потому что первого отцу выплачивают пенсию. Он не хочет получать и её, и деньги за квартиру разом.

«Потому что иначе он их сразу пропьёт, – с горечью добавил он про себя. И, как всегда при подобных мыслях, он ощутил укол стыда и тревоги: правильно ли он поступает, отправляясь в университет? Не будет ли предательством оставить отца, который его вырастил в одиночку, наедине с бутылкой и мрачными воспоминаниями?

– ... тебе в Риндаре, – донёсся до него голос Ригтирна. Тальнар встрепенулся и посмотрел на него несколько затуманенными глазами:

– Что, что ты сказал? Я не услышал, прости.

Тёмные брови Ригтирна слегка приподнялись.

– Я сказал, удачи тебе в Риндаре, – отчётливо повторил он. – Ты ведь уже скоро уедешь отсюда?

«Уедет отсюда. Уже скоро, – в отчаянии повторила про себя Веглао, глядя на простреленную в двух местах мишень и не видя её.

– Да. Через неделю, наверное. Билеты пока что не купил.

«Только через неделю! Может, он ещё сюда зайдёт... хотя ему незачем, – Веглао переступила с ноги на ногу, её тонкие пальцы теребили подол рубашки, как было всегда, когда она волновалась.

– Может, зайдёшь к нам чаю попить? – спросил Ригтирн таким безразличным голосом, что сразу становилось ясно – он не хочет видеть Тальнара своим гостем. Веглао мучительно покраснела – ну почему её брат ничего не понимает!

– Нет, спасибо, – помотал головой Тальнар, отлично знавший, как Ригтирн к нему относится. – Я лучше пойду домой. До свидания, всего вам хорошего!

Улыбнувшись, он быстро взглянул на Ригтирна, потом на Веглао. Затем помахал им рукой и легко зашагал в лес.

Брат и сестра некоторое время стояли, молча глядя ему вслед.

– Думаю, в следующий раз надо будет ждать старика Нерела, – проговорил Ригтирн голосом, в котором не было ни грамма приветливости. – Что с тобой, Веглао? – на этот раз в его голосе прозвучала неподдельная нежность. – У тебя что-то болит?

– Нет, – ответила Веглао, хотя её сердце разрывалось от боли. Она была уверена, что больше никогда не увидит Тальнара.

К тому времени Тальнар уже забыл о ней. Он свернул на тропу, ведущую к Станситри, и зашагал по ней, мурлыкая популярную песню «Корабль-призрак».

Он прошёл около половины пути, когда до него донёлся тихий шум. Тальнар остановился. Шум доносился из зарослей неподалёку от тропы – там была молодая поросль клёнов, чьи узорные листья скрывали, как показалось юноше, чью-то высокую фигуру. Вздвогнув, Тальнар шагнул вперёд и громко спросил:

– Кто здесь?

Ответа не последовало. Молодой человек сделал ещё один шаг и выдохнул: за человеческую фигуру он принял высокий тёмный пень. Вот и всё, бояться нечего. Задумавшись, легко спутать человеческие шаги с постукиванием наполовину отломанной ветки или каким-нибудь другим лесным шумом.

Тальнар развернулся и сделал шаг по направлению к Станситри, как вдруг его с силой ударили в спину, почти сбив с ног. Одновременно с этим что-то тёмное и плотное прижалось к его лицу, лишив его зрения. Тальнар вскрикнул и рванулся прочь, но его тут же повалили на землю.

– Отпустите! Кто вы? – сдавленно крикнул молодой человек, пытаясь сорвать с лица то, что его закрывало – это была какая-то грубая ткань вроде мешковины. Но в ту же секунду тот, кто сбил его с ног, схватил его за горло и безжалостно сдавил. Царапая и колотя невидимого противника, юноша снова попытался закричать, но из его рта вырвался только тихий хрип. В ужасе Тальнар отчаянно забился, и рука незнакомца сжала его шею сильнее. В следующую секунду темнота, окружавшая Тальнара, стала совсем непроглядной, и больше он ничего не помнил.

3

Тальнар очнулся в темноте. Если бы не сильный лунный свет, он бы вообще ничего не видел, а так он ясно различал над своей головой посеребренные кроны деревьев и клочок звёздного неба между ними. Он всё ещё был слегка ошеломлён и чувствовал себя так, как будто его разбудили посреди ночи, но буквально через несколько секунд резко вскочил на ноги – он находился в незнакомом месте.

Тропа, по которой он недавно шёл, исчезла. Тёмные старые деревья обступили его со всех сторон. Их подножий не было видно из-за густых папоротников и других лесных растений. Тальнар растерянно огляделся по сторонам. Много раз он ходил по этому лесу, думал, что знает его, но никогда ещё не чувствовал себя таким беспомощным. Лес, который раньше казался ему таким приветливым и красивым, сейчас внушал ему неприятный, сосущий страх. Невольно вспомнились истории про оборотней, но Тальнар быстро отогнал эти мысли – никаких оборотней здесь больше не осталось, их перебили или прогнали, ещё когда он был ребёнком. Он почувствовал, как на его лбу проступает влага, и вытер его рукавом. Что делать? Попытаться найти дорогу домой посреди ночи – безумие, но оставаться здесь нельзя. Он не сомневался в том, что его притащил сюда тот, кто напал на него днём, и то, что пока этот неизвестный не пришёл, чистая случайность. Дождаться этого Тальнар не собирался. Внезапно вспомнив о том, зачем он пошёл вчера в лес, он схватился за карман куртки – его не ограбили, деньги Ригтирна были на месте.

Оглядываясь, он увидел, как что-то блеснуло за деревьями мягким серебряным светом, похожим на свет луны. Тальнар бросился туда, чувствуя резкий и радостный прилив сил – если он не ошибается, это Гусиное озеро. Если это так, ему остаётся только найти вытекающую из него безымянную речку, которая в конце концов выведет его к Станситри. Радостно вздохнув от облегчения, он заторопился к высокому крутому берегу озера, и вскоре увидел его – большое, освещённое луной, с заросшими берегами.

«Отлично, – подумал Тальнар, – теперь осталось только найти этот ручей».

Чувствуя себя гораздо смелее, он зашагал по берегу, стараясь держаться ввиду озера. Это было непросто – берега заросли высоким ивняком, через который приходилось продирааться, и это замедляло путь и приводило Тальнара в ещё большую тревогу. С минуты на минуту тот или те, которые притащили его в это захолустье, должны вернуться, а чем дальше Тальнар шёл, тем сильнее он сомневался в том, что это Гусиное озеро – ведь он бывал на нём всего раз или два, а озёр здесь достаточно, чтобы перепутать их между собой.

Через некоторое время он наткнулся на узкую, извилистую тропку, которая уводила дальше по берегу, и снова вздохнул от облегчения: наверняка она выведет его к человеческому жилью, и там он узнает дорогу.

Ситуация сама по себе была ненормальной, но кроме того, что он потерялся в ночном лесу, что-то ещё беспокоило Тальнара. Что – он понять не мог. Стараясь не обращать внимания на это странное чувство, он шагал дальше, пока не углубился наконец в заросли бузины и маличника. Тропинка вилась между низких кустов. Лунный свет слегка серебрил её, делая похожей на ручеёк. В отдалении виднелись кусты можжевельника, густые и плотные, казавшиеся отсюда совершенно чёрными и похожие на огромные куски смёрзшейся земли.

Юноша остановился в нерешительности. Тут он понял, что его беспокоило – тишина. Дул несильный ветер, верхушки деревьев слабо шелестели, но, кроме этого, не было никаких звуков. Ничего. Словно он был здесь единственным живым существом.

Тальнар сделал ещё несколько шагов по тропинке, потом резко пересёк заросли маличника и подошёл к большому кусту бузины. На одной из его веток что-то темнело. Это оказалось птичье гнездо, абсолютно пустое. Безумный страх охватил Тальнара. Он завертелся на месте,

потом упал на колени, разгрёб траву в поисках муравьёв, затем зашарил руками по малине, пытаясь найти хотя бы одну мохнатую гусеницу. Замер, прислушался – не жужжали мошки, ни одна рыбка не плеснулась в озере.

Только одно существо вызывало такой ужас у всех зверей и птиц, что они разбегались, едва его почуяв. Едва подумав об этом, Тальнар услышал тихое рычание и поднял голову.

Возле можжевелевого куста застыло крупное четвероногое животное. Его косматая тёмная шерсть поблёскивала в лунном свете, глаза были похожи на две маленькие жёлтые искорки. И оно скалилось, обнажив острые зубы в чём-то вроде улыбки.

Тальнар не запомнил, как он вскочил и бросился бежать. Только что он смотрел зверю в жёлтые глаза, а какое-то мгновение спустя уже нёсся по лесу, не разбирая дороги. С тропы он сошёл сразу. Под ноги попадались коряги и пни, он перелетал через них на полном ходу, тяжело дыша. Ни разу не обернувшись, он, тем не менее, знал, что зверь нагоняет. Тальнар лишь один раз в жизни видел травлю, но сейчас отлично её вспомнил. Даже странно было, что за спиной не раздаётся визгливый лай и крики. Сам он сейчас не смог бы крикнуть – ужас скрутил ему горло.

Прямо перед ним распахнулась глубокая яма – точнее, что-то вроде опустившегося пласта почвы, на дне которого мутно серели большие камни. Тальнар инстинктивно остановился, и в ту же минуту зверь прыгнул ему на спину.

Вместе они покатались вниз, и Тальнар больно ударился о камень. Зверь при падении отлетел от него – всё-таки волк не пантера, вцепиться когтями не может, – но теперь, когда Тальнар, задыхаясь от боли и страха, перевернулся и прислонился плечом к камню, он увидел, что волк стоит тут же. Луна причудливо освещала его шерсть. Через долю секунды волк отпихнулся от земли лапами и прыгнул на него.

– Аааа! Нет, нет! – взвыл Тальнар, беспомощно выбросив вперёд руки. Он зажмурился так, что глазам стало больно, а потом зверь тяжело навалился на него всем своим весом. Его дыхание обожгло Тальнару лицо, на губы упала капелька слюны, а потом волк схватил его зубами за плечо. Нет, не схватил – буквально вгрызся, и ничего страшнее этой боли Тальнар в жизни не испытывал. Он даже не смог закричать в первую секунду, и только потом, когда челюсти волка сжались до такой степени, что ещё чуть-чуть, и сломались бы кости, зашёлся в страшном крике.

Челюсти волка дрожали. Он сразу перегрыз артерию, и кровь била из раны прямо ему в горло. Тальнар слышал, как тот тяжело дышит и урчит, булькает кровью. От зверя страшно воняло. Его лапы давили Тальнару на грудь, шерсть колола лицо и лезла в глаза. Тальнар понял, что умирает. Ужас, ещё недавно гнавший его через лес, теперь совершенно его парализовал.

«Он убьёт меня, убьёт, убьёт, убьёт!!! – буквально визжал его внутренний голос. – О, помогите, кто-нибудь, помогите, помогите, ПОМОГИТЕ МНЕ!!!»

Тут он почувствовал, что хватка зверя слабеет. Его зубы начали разжиматься медленно, как заржавевшие тиски, и он отпустил Тальнара. Теперь его морда нависла над лицом юноши, кровь с мохнатых губ капала ему на лицо. Тальнар посмотрел зверю прямо в жёлтые глаза, и увидел в них... глубокое удовлетворение. У этого волка был человеческий взгляд.

Тальнар тихо заскулил от страха, из его глаз покатались слёзы. Он уже ждал, что зверь сейчас вцепится ему в лицо и одним рывком сдерёт скальп.

– Пожалуйста... – простонал Тальнар так тихо, что сам себя не услышал. – Пожалуйста... пожалуйста, не убивай меня...

Зверь вдруг широко оскалился и лязгнул зубами прямо перед носом Тальнара. Тот зажмурился, уже прощаясь с жизнью. Но боль не пришла. Вместо этого лапы волка перестали опираться на него. Тальнар приоткрыл глаза.

Волк неспешно удалялся, помахивая лохматым хвостом. С его опущенной морды на землю падали тёмные капли. На шерсти блестел лунный свет. У края ямы зверь присел

и вспрыгнул наверх. Больше Тальнар его не видел. Закрыв дрожащие веки, он сполз по залитому собственной кровью камню на землю и наконец-то потерял сознание.

4

Когда он очнулся, уже наступило утро. Тальнар увидел, что лежит не в утыканной валунами котловине, а на траве под деревом, и в первые несколько секунд его охватила безумная радость – весь этот кошмар был неправдой, он ему только приснился. Но как только он попробовал пошевелиться, правда пронзила его с такой же силой, как боль в правом плече.

Тальнар уронил приподнятую было голову и тихо застонал от боли. Глаза его сами собой закрылись. Он не понимал, почему он до сих пор жив – ведь крови было столько, что он просто не мог дожить до утра... Но тут он ощутил что-то плотное, крепко охватывавшее руку, и догадался, что ему сделали перевязку.

«Мне помогли, – с отчаянной надеждой подумал он.

Он снова открыл глаза и с трудом повернул голову сначала вправо, потом влево, но никого не увидел. Он был совершенно один, и лежал на том же месте, где его вчера похитили. Некоторое время Тальнар лежал на спине, не в силах не только шевелиться, но и размышлять над тем, что произошло. Наконец он снова приподнялся и с трудом сел, прислонясь спиной к дереву – при этом его движении что-то белое соскользнуло с его груди и упало на землю. Это оказался сложенный листок бумаги. Тальнар протянул к нему тяжёлую, не слушающуюся руку и, подняв, поднёс к своему лицу и развернул.

На бумажке чем-то чёрным, вроде уголька, было написано:

МОЛЧИ

Больше ничего, но Тальнару и этого было достаточно. Холодный кинжал страха вонзился ему между рёбер, и во рту появилось такое ощущение, будто он выпил что-то отвратительное на вкус. Не глядя, он дрожащими руками разорвал бумажку на мелкие кусочки и, вырыв ногтями ямку в усыпанной хвоей сухой лесной почве, закопал их. «Молчи!»! Как будто он мог кому-то об этом сказать!

Ещё немного посидев, он встал и направился к Станситри. Каждый шаг давался ему с трудом, он шатался и хватался за деревья, чтобы не упасть. Он и сам не понимал, зачем идёт домой. Может, разумней было бы остаться на месте, но сейчас он был не в состоянии раздумывать над тем, разумно то, что он делает, или неразумно. Тальнар пребывал в какой-то прострации. В голове у него билась только одна мысль: домой, скорее домой, а там будь что будет.

Несколько часов пути тянулись бесконечно. Только около полудня он наконец добрался до старых шахт, мимо которых проходил вчера. Там он, обессиленный, упал на обочину дороги, к подножию одной из росших вокруг молодых сосёнок, и пролежал там около получаса, закрыв глаза и обхватив руками горящую голову, с ужасом прислушиваясь к каждому шуму или шелесту – только бы никто не прошёл рядом, только бы никто его не увидел!

На этот раз всё обошлось. Он тяжело поднялся и, собрав все оставшиеся силы, пошёл дальше.

Как и всегда в такие жаркие дни, на окраине Станситри царило сонное безмолвие, изредка нарушавшееся тарахтением проезжающего автомобиля. Эти узкие улочки совершенно пустовали, и человеку, пробирающемуся по ним сейчас к своему дому, это было только на руку – больше всего на свете Тальнару не хотелось, чтобы его заметили. Сейчас он жалел, что его дом стоит на одной из самых людных улиц – людных, впрочем, по здешним, провинциальным меркам, но всё же... Вид у него, мягко говоря, неважный. Окровавленной рубашки хватит, чтоб кто-нибудь всполошился. Как жаль, что у дома нет чёрного хода, а окна всегда, когда отца нет дома, наглухо закрыты! А в том, что отца нет, Тальнар не сомневался. Свернув на уходивший к его дому переулок, Тальнар пошёл по нему и вскоре выглянул из-за стены на улицу.

Никого не было. Только на скамейке дремал нищий, одетый в невообразимые тяжёлые лохмотья, наверняка страшно неудобные при такой жаре, да на другой стороне улицы клевала что-то стайка голубей. Тальнар вышел на улицу и заковылял к своему дому. Шум раздался за его спиной, и он резко обернулся, еле сдержав стон от боли, которая пронзила при этом раненое плечо. Но это только голуби взмыли в воздух. Понятно, кого испугались...

Вот и его дом. Окна были закрыты. Тальнар поднялся по лестнице и встал перед дверью. Неуклюже залез левой рукой в правый карман, вытащил оттуда ключ и вставил его в замочную скважину.

Он вошёл в дом, закрыл за собой дверь и тут же, припав к ней спиной, сполз на пол. Зрение его затуманилось, он бессильно закрыл глаза и снова вспомнил о том, что случилось. Точнее, не вспомнил – это и так стояло у него перед глазами – а снова начал думать об этом. Внутри век перед глазами горели два красных пятна, похожих на кровь. Плечо снова заболело, и Тальнар с трудом открыл глаза.

Он не мог бы плакать, даже если бы захотел. Когда человека настигает такое горе, поначалу слёз нет, и от этого ужас и боль становятся ещё невыносимее. Он мог бы, наверное, и просидеть так весь день, глядя в одну точку. Но надо было что-то делать, хотя бы наложить на рану новую повязку. А потом, наверное, придётся снова куда-то идти. Куда – неважно, лишь бы подальше от людей.

Его мутило от таких мыслей. Тальнар поднялся и подошёл к шкафу, где находился ящичек с медикаментами. Он вытащил оттуда моток бинта, йод, зелёнку и тяжело зашагал вверх по лестнице. Войдя в свою комнату, Тальнар подошёл к зеркалу, висевшему на стене, и осторожно, стараясь не делать себе больно, снял рубашку.

Его правое плечо было туго обмотано длинным лоскутом, побуревшим от крови. Закусив губу, юноша принялся осторожно разматывать повязку. Спустя минуту твёрдая от крови полоса ткани упала на пол с мягким стуком. Рана была ужасна. Ночью, наверное, кожа лохмотьями свисала с разорванного плеча. А сейчас края укуса стянулись, красную плоть покрыла тонкая плёнка. Рана выглядела так, словно ей было не несколько часов, а несколько дней. Тальнар, вобщем-то, уже ни на что не надеялся, но сейчас сердце его будто кто-то сжал ледяной лапой: так быстро раны заживают только у оборотней.

Неловко наложив новую повязку на подживающее увечье, он, не надевая рубашку, вытянулся на кровати. Было жарко. Усталость сковала тело, но закрыть глаза и заснуть было бы для него сейчас смерти подобно. Жужжащая у окна муха перелетела через всю комнату и исчезла за раскрытой дверью. Тальнар проводил её глазами и перевёл взгляд в потолок.

Он не представлял, как ему справиться с этой бедой. Его уже ничто не спасёт. Те кого оборотень кусает в полнолуние, сами становятся оборотнями. Исключений не бывает. Их просто не может быть.

– Что мне делать? – прошептал Тальнар. Сказать отцу? Нет, это невозможно. Всем известно, как Лантадик Нерел относится к оборотням, один из которых однажды отнял у него жену.

Только он подумал об этом, как снизу раздался звук, вызвавший у него приступ ужаса – хлопнула входная дверь. С замиранием сердца Тальнар приподнял голову – он узнал шаги отца.

По звуку шагов он, не видя Лантадика, догадался, что тот прошёл в комнату и остановился. Потом до Тальнара донёсся его голос:

– Ты дома?

– Да, – громко отозвался Тальнар. Голос его дрогнул, и он понадеялся, что отец этого не заметил. Он мысленно видел лицо Лантадика – хмурое, измятое, покрасневшее от выпивки.

– Где ты был? Почему не вернулся вчера?

– Я... я заночевал в том доме, – крикнул он, стараясь, чтобы его голос звучал непринуждённо. Снизу донёсся стук – отец сбрасывал свои тяжёлые сапоги и с шумом ставил их на пол.

– С чего ты вдруг решил там заночевать? – проворчал он.

– Я поранился, – выпалил Тальнар. – В лесу... там... было поваленное дерево. Я споткнулся об него, и подвернул себе ногу, сильно.

Отец не отвечал. Тальнару было слышно, как он ходит внизу туда-сюда, потом до него донёлся плеск воды в ванной. Через несколько секунд Лантадик выключил воду и глухо крикнул:

– Я пойду спать. Положи деньги на стол.

– Хорошо, папа, – крикнул в ответ Тальнар. Всё это время он продолжал лежать на кровати, вытянувшись и застыв. Только бы отец не зашёл в его комнату, не увидел окровавленного бинта на плече! Под ногами Лантадика заскрипели ступеньки, потом он тяжело протопал мимо двери Тальнара. Сердце молодого человека колотилось так, что чуть не приподнимало грудную клетку. Наконец из коридора раздался стук двери, ведущей в отцовскую спальню, и вслед за этим загудели пружины его кровати. Судя по голосу Лантадика и его тяжёлым шагам, он был пьян, но не слишком – в таком состоянии он засыпал не сразу. Воспалённые глаза Тальнара смотрели, не отрываясь, на будильник на прикроватном столике, следили за минутной стрелкой. Прошло шесть с половиной минут, длинных, как часы, прежде чем из комнаты Лантадика донеслось шумное сопение, вслед за которым должен был раздаться оглушительный храп.

Тогда Тальнар, опираясь на дрожащую здоровую руку, неуклюже поднялся с кровати и, в два шага подойдя к своему шкафу, вытащил из него свежую одежду. Старую он скомкал и спрятал под кровать, намереваясь сегодня же ночью выбросить её в реку, туда же отправил окаменевшую от крови тряпку. Затем он вышел из комнаты и, принуждая себя к каждому шагу, спустился на первый этаж, положил на стол слегка подмоченные кровью деньги, прошёл в ванную и открыл оба крана. Треснувшее мутное зеркало запотело почти мгновенно, мелкие капельки заблестели на кафельных стенах, клубы пара окутали хрупкую фигуру юноши. Он подставил руки под струю воды из холодного крана и потом быстро прижал их к своему лицу, не в силах сдерживать наконец-то прорвавшихся слёз.

5

С этого дня вся его жизнь превратилась в бесконечный поток страха, утаек и лжи. Тальнар уничтожил записку, но единственное её слово преследовало его повсюду: он видел его на стенах своего дома и других домов, он видел её в небе, в глазах окружающих его людей. Даже закрывая глаза, он видел это слово, как будто кто-то вырезал его на внутренней стороне его век. «Молчи!» Что ещё он мог делать? Если кто-то узнает его тайну, его ждёт смерть – если даже и не убьют сразу, отправят медленно умирать в один из этих мрачных ликантрозориюв, которые до сих пор ещё остались кое-где, хотя оборотней уже почти нет.

Самым трудным во всём этом деле было скрывать происшедшее от отца. Тальнар любил его, но к этой любви всегда примешивались чувства, которые скорее можно испытывать к опасному врагу – страх и невольное уважение. Лантадик был человеком крутым, несдержанным, много пережившим. С ним было трудно ужиться, особенно после того, как умерла его жена, и к сорока годам он мало-помалу растерял всех своих друзей, с которыми когда-то совершил то, что при жизни сделало его героем и легендой Станситри и всего округа Подгорье.

Он стал егерем, едва ему исполнилось девятнадцать, и как раз тогда женился на своей любимой девушке. Спустя три года родился их первенец Тальнар, и это событие совпало с началом беды, охватившей весь бернийский юго-восток.

Оборотней в то время здесь почти не было. Ходили слухи о вспышках этой страшной болезни то в той, то в другой части Бернии, но это не было бедствием номер один – разгоралась Четвёртая гражданская война, и никому до вервольфов дела не было. Но очень скоро в окрестностях Станситри начала разворачиваться другая война – ибо иначе как войной это назвать было сложно.

Прежде оборотни прятались по лесам и горам маленькими шайками и в конце концов, оголодавшие и одичавшие, становились лёгкой добычей местных жителей, которые либо убивали их на месте, либо отправляли гнить в ликантрозории. Но теперь всё было по-другому. Оборотни начали действовать организованно. Случаи, когда банда этих существ нападала в полнолуние на какую-нибудь деревню и вырезала её подчистую, которые, казалось, уже давно остались в тёмном прошлом, стали повседневностью. Народ тех мест был настолько охвачен ужасом, что люди бежали на север и запад, но бежали не все – оборотни не столько убивали, сколько обращали, и месяц за месяцем их ряды становились всё шире. Полиция округа Подгорье была просто не в силах справиться с ними – казалось, что на смену каждому убитому или отправленному в ликантрозории, которые в те времена росли по всей стране, как грибы, приходит десяток новых оборотней. Было ясно, что это не просто жалкая группка опустившихся воров и бродяг – в Подгорье действовало несколько крупных стай, управляемых чьей-то сильной и злой волей. Кто именно был царьком оборотней, недолго оставалось тайной – по его повелению некоторых жертв оставляли в живых, чтобы они смогли рассказать обо всех ужасах, которые творили вервольфы и, что было ещё важнее, об их вожаке, которому эти полузвери подчинялись беспрекословно. Из уст в уста переходило его имя – Кривой Коготь.

Так много лет уже все называли его Кривым Когтем, что никто и не помнил, каково было его настоящее имя. Ещё когда оборотень был мальчиком, какая-то страшная костная болезнь поразила его правую руку. В итоге два пальца на этой руке – мизинец и безымянный – просто-напросто отвалились, а все остальные странно скрючились, так что рука стала похожа не то на клешню краба, не то на лапу птицы. После этого его звали Кривым Когтем – никак иначе. А оборотни называли его вожаком. Несмотря на увечье, правая рука Кривого Когтя не стала бесполезной культей, не потеряла подвижности и силы, а уж на том поприще, которое он для себя избрал, проявила себя замечательно: тремя скрюченными пальцами оказалось очень удобно, как клещами, захватывать чью-нибудь шею и душить.

Таков был противник, против которого выступил юный Лантадик Нерел. В ту ночь, когда один из оборотней ворвался в его дом, погибла его жена. Вместе с собой в могилу она унесла второго, нерождённого, ребёнка и все добрые чувства Лантадика к людям и миру. Стоя её трупом, Лантадик поклялся во что бы то ни стало покончить с виновником – не с тем волком, чей простреленный труп остывал неподалёку от тела жены, а с тем, кто возглавляет эту стаю убийц. И он сделал это. Он нашёл тех, кто выжил в схватках оборотней, на чьих глазах под клыками и когтями зверей падали их близкие, набрал среди них самых отчаянных голов, и объявил войну Кривому Когтю.

Эта борьба продолжалась больше года. Лантадик и его маленький отряд выслеживали оборотней поодиночке и небольшими группами, убивали без жалости, не гнушаясь издевательствами и пытками, вытягивали из них информацию о стае и вожаке. Таким образом Лантадик досконально изучил своего врага ещё задолго до того, как впервые встретился с ним. Отряд Лантадика рос вместе с народным гневом, и с каждым днём всё больше мёртвых оборотней качалось на ветвях лесных деревьев, горело на высоких кострах посреди деревенских площадей, тонуло в тихих равнинных речушках. Стая Когтя таяла на глазах – те, кто похрабрее, гибли один за другим, те, кто потрусливее, бежали прочь. Наконец с ним остались только самые верные, самые испытанные друзья. Тёмной и холодной осенней ночью 1988 года они были окружены. Со всей храбростью отчаявшихся людей, со всей храбростью загнанных в угол зверей они напали на своих преследователей. В той последней безрассудной драке погибло множество людей и оборотней. Сам Кривой Коготь и ещё семеро его соратников были схвачены живыми. Их притащили в Станситри, где после долгих допросов судили и приговорили к смерти. Потом их увезли из Станситри в столицу, Риндар, чтобы там казнить – но в суматохе вспыхнувшей Четвёртой Гражданской войны никто так и не смог узнать, был ли приговор приведён в исполнение, хотя власти и опубликовали в газетах сообщение о том, что оборотни были убиты. Сам Лантадик и его оставшиеся в живых друзья на всякий случай не снимали рук с оружия, но вскоре война разлучила их – кто-то погиб, кто-то покинул родные земли. Так или иначе, след Кривого Когтя и остальных затерялся – и все надеялись, что затерялся навсегда.

С тех пор прошло пятнадцать лет. Сейчас Лантадику было сорок, но выглядел он старше. Высокий и жилистый, он с возрастом сильно похудел и высох, и на смену крепким, округлым мускулам пришла худощавость и даже костистость. В густых и жёстких рыжевато-каштановых волосах сквозила седина, а смуглое лицо покрылось слишком глубокими для этого возраста морщинами. Теперь он был старше, чем был Кривой Коготь в дни их борьбы. Пятнадцать лет назад, когда он был очень молод и очень горд своей победой, в его душе поселилась надежда на то, что теперь его жизнь изменится. Собственно, его жизнь и так изменилась – с того дня, как его голову увенчали лавры победителя, он стал одним из самых уважаемых жителей Станситри. Его не просто уважали – ему поклонялись, на него равнялись. Но в материальном плане он не получил ничего. Мало того – небольшие сбережения он потерял, когда рухнул один из банков. Работа егеря приносила мало денег, и вскоре Лантадик оставил её. Он участвовал в затянувшейся войне и после её окончания начал получать небольшую пенсию. Временами он находил себе подработку, но нигде надолго не задерживался – не видя счастья ни в прошлом, ни в будущем, он стал много пить. Впрочем, его относительная молодость, суровый характер и отменное здоровье позволяли ему пока что оставаться на плаву.

Тальнар был совсем не таким, как его отец, он не был похож на него ни лицом, ни нравом. И потому там, где его отец пошатнулся бы, но всё же устоял, сам Тальнар был сбит с ног и не имел ни малейшего шанса подняться вновь.

Рана заросла быстро, оставив после себя несколько уродливых рубцов. Если бы так же легко могла успокоиться его душа... Тальнар утешал себя тем, что очень скоро уедет далеко от Станситри, а значит, и от того неизвестного, кто его погубил. Он был не просто уверен в том, что этот оборотень околачивается где-то поблизости – он это чувствовал. А потому

через неделю после полнолуния (за это время рана уже окончательно зажила) он отправился на вокзал, чтобы купить себе билет до Риндара.

День был просто замечательный – небо было чистым и голубым, как незабудка, жара уже спала, лица прохожих обвевал лёгкий ветерок. С недавнего времени Тальнар невзлюбил окружающих людей: он чувствовал, что больше не принадлежит к их племени, и знал, что те, кто сейчас при встрече с ним улыбаются и кивают, узнав, кто он на самом деле, будут глядеть на него с ужасом и ненавистью. Поэтому идти по улице, улыбаясь в ответ на улыбки и перебрываясь приветствиями, было тяжело. Он был рад, когда наконец добрался до вокзала, за которым город заканчивался и начиналась унылая, уже совсем жёлтая, лесостепь.

Зайдя в здание, Тальнар купил себе билет на ближайший поезд до Риндара, уходящий через неделю. Эти семь дней должны были стать для него семью веками, но он почувствовал себя лучше: теперь он хотя бы знал, чего ждать.

Он не хотел идти домой прежним путём, и потому свернул на один из переулков, выходящих к реке. Заложив руки в карманы, он неторопливо зашагал вдоль реки, отстранённо любуясь её берегами, которые густо заросли сиренью, ивами и черёмухой. Он никогда раньше не замечал, как здесь красиво и мирно. Неужели всегда необходима беда, чтобы научиться любить жизнь? Человек тихий, сдержанный и холодный, он никогда не был особенно привязан к захолустному Станситри, к его простым жителям и скромной природе, и только сейчас начал понимать, что такая жизнь была совсем неплоха. Чёрт возьми, это была просто замечательная жизнь по сравнению с тем, что он имеет сейчас!

Он остановился неожиданно для самого себя. Его охватило странное чувство, уже знакомое ему: чувство, что где-то рядом есть оборотень. Но если раньше это ощущение было слабым, как бы приглушённым, то сейчас оно было сильным и отчётливым. Тальнар чувствовал оборотня, как чувствовал бы источник тепла или холода. Вдруг он тихо ахнул: нет, здесь не один оборотень! Их двое... или трое? Или даже больше? Но где они?

Ответ на этот вопрос он получил даже быстрее, чем сам того хотел. Из-за большого куста рябины вдруг почти бесшумно выбрался незнакомый Тальнару мужчина в грязной и старой одежде. На его голову была нахлобучена драная шляпа, из-под которой на плечи и спину падали свалывшиеся космы серовато-пегих волос. Он посмотрел на Тальнара, Тальнар – на него. Юноша сразу понял, что незнакомец – оборотень, непонятно каким образом, но понял. Он был так ошеломлён, что в первые несколько секунд у него даже мыслей никаких в голове не было, он просто стоял, остолбенев, и обалдело хлопал глазами. Оборотень быстро приблизился, и что-то сверкнуло у него в руке. Тальнар не успел даже пошевелинуться, когда к его шее прижался холодный нож. Незнакомец усмехнулся, открыв грязные, гнилые, почти что замшелые зубы. Тальнара передёрнуло.

– Что, страшно тебе, красавчик? – спросил оборотень хриплым голосом. – Чего вылился?

– Вы кто? – леденеющими губами спросил Тальнар, и в ту же секунду уловил за своей спиной шуршание кустов и шага. Сталь у горла не давала ему оглянуться, но чутьё верно подсказало, что со спины к нему приближается ещё один оборотень. Он-то и ответил на вопрос Тальнара:

– Спроси об этом у своего папаши, гадёныш.

В следующую секунду тот, кто был сзади, схватил его за шею и крепко сдавил. Тальнар судорожно рванулся, и в глазах у него потемнело от недостатка воздуха. Сквозь окружившую его муть он ощутил, как нож первого оборотня переместился к его животу. Его холод чувствовался даже сквозь одежду, это путало все мысли Тальнара, мешало ему соображать.

– Успокоился? – снова услышал он холодный голос своего душителя, голос хриплый и грубый, но при этом странно высокий, будто бы женский. Он кивнул, всё ещё не в силах

нормально дышать. – Вот и славно. А теперь иди с нами, и запомни: если ты снова откроешь рот или дёрнешься – я выколю тебе глаз. Или сразу оба.

6

Оборотни провели его на другой берег Хлебным мостом. Тальнар подумал, что этот выбор для них довольно удачен: на этом мосту было безлюдно уже два с лишним года с тех пор, как одна из его опор рухнула. После этого вход на мост загородили с обеих сторон, пообещав в скором времени отремонтировать, но работы так и не начались. Насколько Тальнару было известно, по мосту всё равно иногда кто-нибудь да ходил – более короткого пути в богатый грибами лес на другом берегу просто не было. Он слышал, что среди отчаянных местных ребятишек считалось огромной крутостью пробежать по Хлебному мосту и даже как-то раз видел, как трое мальчишек с важным видом сидели, болтая ногами, на самой середине, пока чей-то резкий окрик не согнал их оттуда, как стайку воробьёв.

На середине моста ему хватило ума посмотреть вниз. Сквозь дыры в бетонном корпусе моста, с торчащей из краёв арматурой, было видно, как река булькает и пенится между выступавшими из дна острыми камнями порога – единственного опасного места во всём течении. Тальнар был одним из тех счастливцев, которые не слишком боятся высоты, но сейчас его охватила дрожь. Он споткнулся, и оборотни крепко схватили его, не дав упасть.

– Думаешь, всё так просто? – холодно спросила женщина – да, подошедший к нему сзади оборотень и впрямь оказался женщиной, хотя обилие засаленных драных тряпок вместо одежды и спутанные грязные волосы лишали эту даму всяческой привлекательности. – Если захочешь сдохнуть, тебе помогут. Шагай вперёд, и без глупостей!

Лес начинался почти сразу за мостом. Войдя в него, оборотни сразу накинули Тальнару мешок на голову. Дальше путь продолжался, по его ощущениям, около часа. Из-за того, что он ничего не видел, Тальнар постоянно спотыкался о коряги и камни. Наконец он понял, что его тащат куда-то вниз, а потом сквозь тонкую ткань рубашки ощутил холод. Оборотни стащили с него мешок, но он ничего толком не успел рассмотреть, понял лишь, что здесь очень темно – его сразу толкнули в спину с такой силой, что он, потеряв равновесие, упал ничком на какую-то холодную, влажную поверхность. Боль от удара слегка оглушила его, и он не сразу понял, что ощущает вокруг себя оборотней. А когда понял, его охватил дикий страх.

– Не убивайте меня! – взмолился он, приподнимая здоровую руку и прикрывая голову.

– Вот это да, – послышался вдруг холодный низкий голос, – не думал, что сын егеря Нерела окажется таким трусом. Подними голову!

Тальнар приподнялся на локтях и затравленно огляделся по сторонам. Оборотни обступили его со всех сторон, но сколько их точно, было не понять – помещение было маленьким и тесным (это катакомбы, понял он, катакомбы, в которых прятались революционеры полвека назад), и вервольфы стояли тесно, загораживая друг друга. Всего одна керосиновая лампа, которую зажёл кто-то из них, была довольно слабой, но теперь зрение Тальнара стало сильнее, и он без труда смог рассмотреть того, кто только что обратился к нему.

Этот человек – то есть оборотень – был очень высок, и его косматая рыжая голова почти касалась низкого потолка. Лицо, которое склонилось над Тальнаром, в резких отсветах чадающего огонька казалось страшным, хотя черты его, в общем, были красивы: высокий, немного плоский лоб, прямой узкий нос с хищно очерченными крыльями, слегка удлинённые серые глаза. Нижняя часть лица была скрыта густыми рыжими усами и бородой, но Тальнару всё равно видны были губы – толстые, жадные и красные, как испачкавшиеся в крови гусеницы.

– Узнаёшь меня, Тальнар? – спросил он.

– Нет. Что вам нужно от меня?

– А если так? – оборотень медленно поднял правую руку. При взгляде на неё у Тальнара отвисла челюсть – на руке было всего три пальца, а на месте безымянного и мизинца виднелись только обтянутые розовой кожей костяшки.

– Кривой Коготь! – вскричал Тальнар, отшатнувшись.

– Вижу, признал, – оборотень ослабился. – Ты у нас особый гость. Смотри, сколько моих волков пришло посмотреть на тебя, – он обвёл покалеченной рукой стоявших поодаль оборотней. Те не произнесли ни слова, и только стояли, мрачно глядя на Тальнара из-под немытых спутанных волос, падавших на лбы. Тальнару стало ещё страшнее. Кривой Коготь ненавидит его отца, а значит, и его самого, и что-то не похоже, чтобы все эти типы питали к Тальнару и Лантадику более тёплые чувства. Знает ли отец, что его злейший враг жив, здоров и окружён союзниками?..

Кривой Коготь словно прочитал его мысли:

– Надеешься, что папочка тебя спасёт? Да если бы он знал, где я, разве ты говорил бы сейчас со мной?

– Ты убьёшь меня? – спросил Тальнар, стараясь говорить спокойно, хотя его внутренний голос буквально вопил от ужаса.

– Нет, если ты будешь меня слушаться. Но если не будешь... Видишь ли, Тальнар, в моей стае у всех волков есть право на быструю смерть. Но поскольку ты – чужак, да притом трус, каких мало, с тобой я в случае чего разберусь по-другому. Ты будешь молить о смерти, но умрёшь только тогда, когда я этого захочу. Вступишь в мою стаю – и, может быть, тебя ждёт другая судьба.

– А что я должен буду делать? – спросил Тальнар, стараясь не стучать зубами.

– Для начала, – проговорил Кривой Коготь, – убить своего отца.

– Что?! – задохнулся от гнева Тальнар. – Никогда!

Кривой Коготь слегка, почти незаметно, кивнул и отступил назад. Тут же от группы оборотней отделились два дюжих парня, судя по виду, не раз побывавшие в переделках, и направились к Тальнару. Он поспешно поднялся на ноги, хотел отступить, но тут же один из них размахнулся и одним ударом пудового кулака сбил Тальнара с ног.

Били его жестоко и обдуманно – удары сыпались на грудь, живот, спину, рёбра, то есть на те места, что скрыты одеждой. От каждого удара их тяжелых сапог худенького Тальнара отбрасывало в сторону. Задыхаясь, вскрикивая и заливаясь слезами, он пытался хоть как-то сопротивляться, но вскоре обессилел настолько, что даже кричать больше не мог.

– Хватит! – взмолился он наконец. – Прекратите... я сейчас умру...

Его ударили ещё несколько раз, а потом оставили в покое. Распластанный, истерзанный, он остался лежать неподвижно. Больше всего ему хотелось умереть, здесь и сейчас.

Кривой Коготь вразвалку подошёл к нему и остановился, задумчиво его разглядывая. Молодой человек дышал тяжело и неровно, воздух из его губ вырывался с приглушённым сипом. Слёзы медленно текли из полузакрытых глаз, стекая по вискам на волосы. Кривой Коготь опустился рядом с ним на корточки, за волосы поднял голову Тальнара и, повернув юного оборотня к себе, посмотрел ему в лицо.

– Ну? – тихо спросил он. – Покончишь с Лантадиком сам – или предоставишь его мне? Учти, я придумаю для него очень долгую смерть.

– Да, – прошептал Тальнар.

– Что – да? – прорычал оборотень, встряхнув юношу.

– Я... убью папу, – проговорил Тальнар, смаргивая слёзы. Лучше так. Лучше пусть Лантадик умрёт быстро, даже не осознав, что произошло, чем если его будут мучить несколько дней.

– Ладно, – сказал главарь вполне удовлетворённо. – Слушай дальше. Убив отца, уходи из города – пусть думают, что ты пропал без вести. Куда идти, я тебе скажу. Всё понял?

– Да...

– Отлично, – Кривой Коготь отпустил Тальнара и тот упал на пол. – Уведите его.

Тальнара подхватили и поставили на ноги. Затем ему снова накинули на голову мешок и поволокли куда-то, почти не давая ему идти самостоятельно. Впрочем, ноги его бы не удержали.

Наконец его толкнули в спину, и он упал на твёрдую землю. Тальнар стянул с головы мешок, зачем-то свернул его и медленно положил рядом с собой. Он находился совсем рядом с Хлебным мостом.

Потерянный и запуганный, он побрёл домой, изредка останавливаясь, чтобы передохнуть. Сердце, ещё недавно колотившееся, как бешеное, сейчас сжималось и разжималось еле-еле, кровь текла, казалось, вдвое медленнее, чем обычно, и сил не было совершенно. Проходя мимо киоска с сигаретами, Тальнар купил пачку папирос и коробок спичек, хотя прежде не курил никогда и не собирался этого делать.

Он дошёл до какого-то сквера, опустился там на скамейку. Стояла ясная солнечная погода, дул приятный слабый ветерок, и на сквер высыпали люди. Молодые мамы гуляли с детьми, возле киоска с мороженым щебетала о чём-то группа девочек, пожилая женщина кормила голубей, очкастый молодой человек читал книгу... Невыносимо было видеть всю эту мирную жизнь, и сознавать, что больше не принадлежишь ей! Тальнар сидел, глядя в никуда безумными глазами, его рука, лежавшая на колене, судорожно сжималась в кулак и разжималась. Голова у него сильно кружилась, а горло словно сдавила чья-то невидимая, но сильная рука. Он хотел кричать на всю улицу, распугать всех этих людей дикими воплями, ему хотелось выть и рыдать во весь голос, выкрикивая изо всех сил: «Меня укусил оборотень! Меня укусил оборотень! Помогите мне! Пожалуйста, помогите!..»

Он вытащил из кармана сигареты и коробок спичек. Вынув одну сигарету из пачки, он убрал остальные в карман. Спичка зажглась с первого раза, Тальнар поднёс её к концу сигареты и отбросил в песок. Обхватив сигарету губами, он начал курить. Было противно, непривычно, но он в оцепенении затягивался и выдыхал дым. Ему хотелось бы, чтобы ничего этого с ним не случилось. Но ещё больше ему хотелось жить. А единственным способом остаться в живых было сделать то, что ему велели сделать. И никуда от этого было не деться.

7

Оказывается, несколько дней страха и бесконечного вранья перед этим были ещё цветочками. Тайна жгла Тальнара, как будто он носил под рубашкой кусок раскалённого металла. С тех пор, как его обратили, он постоянно испытывал жгучее желание рассказать обо всём отцу, но страх и стыд удерживали его от этого: Тальнар говорил себе, что отец его просто возненавидит. Он и сам не знал, кого боится больше: Кривого Когтя или Лантадика. И страх перед Лантадиком был ещё мучительней от того, что Тальнар любил своего отца, в то время как Кривого Когтя он ненавидел со всей силой, на которую был способен.

За два дня до того, как Тальнар должен был уехать, Лантадик заявил ему, что хочет отправиться на охоту. Он не так уж часто брал сына с собой, однако на этот раз предложил ему отправиться вместе с ним – когда ещё они смогут поохотиться вместе? Хотя Тальнар терпеть не мог охоту, он согласился, чувствуя к себе огромное отвращение: ведь для него это было шансом убить Лантадика. В тот же вечер он вновь прошёл по Хлебному мосту и некоторое время бродил по краю леса, не углубляясь в самую чащу, и угрюмо ждал, пока невидимые соглядатаи Кривого Когтя не донесут жожаку о его появлении. Ждать пришлось недолго. Очень скоро в быстро сгущающейся темноте среди чёрных древесных стволов замелькали две расплывчатые фигуры. Неподальёку от Тальнара они остановились. Один из незнакомцев остался ждать, прислонившись плечом к толстому дереву и почти слившись с ним, а второй приблизился к Тальнару. Юноша мгновенно узнал его, хотя до этого лица оборотней сливались в его памяти в одну невнятную массу, из которой отдельным резким пятном выступал Кривой Коготь. Но теперь он сразу вспомнил этого молодчика – худой, среднего роста, самоуверенное лицо было бы красивым, если бы не уродливая волосатая родинка во всю правую скулу.

– Ты опять здесь, – сказал парень, окидывая Тальнара взглядом, который мог быть адресован плевку на асфальте. – Чего надо?

– Мне надо поговорить с Кривым Когтем, – сказал Тальнар. Парень хрустнул кулаками:

– Ага, так и дожидайся, что он сам к тебе зайвится. Говори мне, чего надо, а я передам.

– Хорошо, – мрачно ответил Тальнар. – Скажи ему, завтра утром я и мой отец будем в лесу недалеко от нового лесничества, где-то между Серым и Галечным озёрами.

– Он и так тебя найдёт, – пообещал оборотень. Он был вряд ли старше Тальнара больше, чем на год-два, но говорят, оборотни стареют быстрее обычных людей. Если забыть про юную внешность и обращать внимание только на выражение глаз и голоса, можно было подумать, что этому парню уже лет двадцать восемь или тридцать. Тальнар знал, что его ждёт то же самое. Возвращаясь домой, он снова купил сигареты и выкурил две штуки, кружа по пустым тёмным улицам. Потом в одном заросшем дворе он набрёл на колонку и долго пил холодную воду, пока вкус сигареты не исчез из его рта. Словами не передать, до чего ему было паршиво.

Дома он проспал до пяти часов утра. Пробуждение было быстрым, сон отступил мгновенно. За окном было всё было серо и бледно, но Тальнар знал, что скоро взойдёт солнце. Отец уже не спал – его храпа не было слышно. Тальнар нашёл его на кухне, где тот неторопливо заряжал ружьё. Услышав шаги сына, Лантадик поднял голову и кривовато улыбнулся ему:

– Уже поднялся? Давай, одевайся скорее.

– Хорошо, папа. – Тальнар зашёл в ванную и стал умываться. Ему снова хотелось разрыдаться над раковиной, как пару недель назад (пара недель! Неужели это случилось так недавно?..), но нет, это нельзя. Отец увидит, что-то заподозрит. Он ничего не должен знать до самого конца.

Тальнар опустил лицо в горсти, полные холодной воды. «Я всё сделаю быстро. Он даже ничего не поймёт». Он отвинтил крышечку коробки с зубным порошком. «Я сделаю это быстро». Он вытер лицо полотенцем, вышел из ванной, зашагал вверх по лестнице. «Всё будет

сразу. Никакой боли. Он ничего не заметит». Он зашёл в свою комнату. «Я не смогу сделать этого, не смогу, не смогу».

Он был вынужден ненадолго сесть на кровать – так сильно его трясло. Из приоткрытого окна тянуло холодом – как сильно хочется залезть обратно в кровать, закутаться в одеяло и заснуть, а проснуться в день прошлого полнолуния и никуда не пойти... Тальнар поднялся и стал одеваться. Он надел всё то, в чём обычно ходил в лес – плотную рубаху, холщовые штаны, прорезиненные сапоги. Вытащил из шкафа тяжёлую брезентовую куртку. Прощайте, лёгкие рубашки и длинные узкие брюки, прощай, старый пиджак с потайным карманом, прощай, серое осеннее пальто и такая же серая шляпа с блестящей лентой. Всё это мог надеть на себя обычный человек из ничем не примечательного городка, скромный провинциал-студент, но оборотню больше никогда не пройти щёткой по полам пиджака, не прищёлкнуть слегка стоптанными каблуками, не повязать вокруг шеи галстук. Всё это мелочи... но почему-то именно из таких мелочей состоит, если разобраться, всё, что тебе дорого. Тальнар влез в высокие сапоги, убрал волосы за уши, накинул на плечи куртку. На пороге ещё раз оглянулся и посмотрел на свою комнату. Больше он сюда не вернётся. Может, оно и к лучшему, во всяком случае, сейчас. Пока он одевался, его не покидало чувство, будто все предметы в комнате обрели глаза и пристально, осуждающе смотрят на него.

Тальнар запомнил это утро как несколько часов, полных ожидания. Он ждал, когда это случится. Через каждые несколько секунд он мысленно говорил себе: вот, сейчас отец доест свой обычный завтрак – жирную яичницу на сале с гренками и луком; вот, сейчас он неторопливо завернёт табак в кисет, который ему когда-то подарила мать Тальнара; вот, сейчас он, кряхтя, натянет сапоги. Они вышли за дверь и отец запер её, и Тальнар подумал: осталось два часа. Может, чуть меньше или чуть больше. Он и сам не понимал, чего хочет – чтобы эти два часа длились подольше, или чтобы они закончились прямо сейчас. Ведь это всё равно случится. Ничего исправить уже нельзя.

«Скажу ему. – Нет, нельзя. – Скажу всё! – Он убьёт тебя. – Скажу, и точка! – Он убьёт тебя, а Кривой Коготь убьёт его. Он будет убивать его медленно. Так нельзя. Если ты любишь отца, сделай это сам».

Утренний туман. Розовеющий восток. Кудяхтанье кур. Какая-то женщина выплёскивает в садик воду из таза. Мужчина колет дрова, оборачивается на их шаги, кивает, улыбается. Осталось полтора часа. Пение петуха. Лай собак. Издалека доносится гудок поезда, идущего на вокзал. Впереди в тумане вырисовываются терриконы старой шахты. Остался час. Блестящая роса на листьях берёз. Шоколадная шляпка белого гриба, надкусанная каким-то зверьком. Ружьё покачивается за спиной, приклад слегка ударяет по бедру. Подошвы сапог оставляют на росистой траве глубокий блестящий след. Осталось полчаса.

– Смотри, лосиная кормушка, – сказал Лантадик. Тальнар поднял голову, как будто очнувшись. Он и не заметил, что они уже далеко зашли в лес. Это место было ему хорошо известно. За деревьями просвечивала блестящая поверхность Серого озера, которое сейчас, когда утренний туман рассеялся и в безоблачное небо поднялось солнце, было вовсе не серым, а голубым, как топаз. В другой стороне виднелась деревянная клеть, наполненная сеном – кормушка для косуль, лосей и оленей.

«Мы на месте, – подумал Тальнар. Он огляделся по сторонам, думая о том, что Кривой Коготь наверняка уже где-то рядом. В следующую секунду чутьё сказало ему, что так оно и есть. Сердце на секунду остановилось, словно кто-то ударил Тальнара в грудь.

– Ты не туда смотришь, – сказал Лантадик, вытаскивая из ягдташа баночку с солью. – Вон там спил дерева.

Тонкая сосна, верхушку которой когда-то сломал ветер, была спилена у корня и наклонена к земле. Сверху её кора была срезана, в древесине высечено клиновидное углубление, в котором белела соль. Такие кормушки делались специально для лосей. Внезапно Тальнар

понял, как он это делает. Он избегал смотреть на отца, но тот обошёл его и посмотрел на него сам.

– Что с тобой? Ты не заболел, часом?

Да, заболел, и это не вылечить.

– Нет, пап, всё нормально, – сказал Тальнар, попытавшись улыбнуться. – Я просто подумал, что не очень-то хочу уезжать так далеко и надолго.

– Да, – сурово проговорил Лантадик, проводя рукой по своим рыжим волосам. – Мне будет непросто без тебя. Не знаю, как я буду один в нашем доме... не знаю. Тебе-то уж во всяком случае будет там лучше, чем мне здесь. Ты, наверное, давно на меня сердишься.

Слова скомкались, застряли у Тальнара в горле. Он хотел улыбнуться, покачать головой, но вместо этого лишь слабо дёрнул подбородком вправо и вниз.

– Значит, и вправду сердишься, – вздохнул Лантадик. – Я тебя понимаю... возможно. Я не помню своих родителей, Тальнар, а мой дядя всегда был строг со мной. Я думал, это единственный способ воспитать хорошего ребёнка. Теперь-то мне ясно, что я ошибался.

– Я... я не сержусь на тебя, пап, – пробормотал Тальнар, не глядя на него.

Лантадик подошёл к нему и продолжил тем же нарочито грубоватым голосом:

– Отец из меня был никудышный, но ты уж не забывай меня, Тальнар, и постарайся простить.

– Давно простил, – прошептал Тальнар. Лантадик окинул его взглядом:

– Поговорим, когда вернёмся домой. Или ты хочешь сейчас?

«Отец, мне приказано убить тебя»

– Н-нет, – смог сказать Тальнар, – давай поговорим дома.

– Ладно, – Лантадик кивнул и развернулся. – Пойду, подсыплю соли здесь, а потом пойдём дальше.

Он зашагал к кормушке. Тальнар провожал его взглядом. Слезы медленно подступили к его глазам, дрожащие руки подняли ружьё.

Лантадик склонился над лосиной кормушкой, убрал с неё хвоинки и катышки птичьего помёта и насыпал свежей соли. Выпрямившись, он оторопел – перед ним стоял Кривой Коготь.

Егерь не услышал, как он подошёл, но не внезапность его появления так поразила Лантадика, а вообще тот факт, что оборотень стоит перед ним. Лантадик не испугался, он только был оглушён изумлением. Ему показалось, что у него галлюцинации. Кривой Коготь... Этого не может быть – ведь он сам отправил его на смерть, его должны были расстрелять, всадить серебряную пулю в его рыжий затылок.

Кривой Коготь улыбался, но его глаза были злыми. Он стоял неподвижно, чуть ссутулив плечи, опустив здоровенные руки. И в какое-то из тех нескольких бесконечных мгновений, пока они стояли друг напротив друга, правда обрушилась на Лантадика, как удар топора.

– Ты... – выдавил он не своим голосом. Кривой Коготь улыбнулся ещё шире.

– Смотри туда! – выкрикнул вдруг он, выбросив руку влево, и Лантадик обернулся.

Тальнар стоял, подняв ружьё отца и целясь в него. Его лицо было искажено болью и ужасом, из широко раскрытых глаз текли слёзы. Лантадик хотел крикнуть: «Брось ружьё, сынок, что ты делаешь? Брось, оно заряжено!» Но он не успел даже шевельнуть губами.

Тальнар нажал на курок.

Выстрел, казалось, отразился от блёклого утреннего неба. Над головой Тальнара пролетели испуганные грачи.

Лантадик выгнулся назад, его спина вмиг одеревенела, голова откинулась так, что затылок коснулся позвоночника, и на миг перед Тальнаром мелькнул белый, как снег, подбородок отца. Через мгновение он стал алым, как и воротник его рубашки, и из шеи брызнул в сторону фонтан крови. Правая рука задёргалась в воздухе, как бы ища, за что ухватиться, а потом Лантадик упал.

Упал и Тальнар – выронив ружьё, прижимая ладони к лицу, к только сейчас закрывшимся глазам, к раскрытому в немом крике рту. Он не видел, как Кривой Коготь подошёл к телу его отца и внимательно рассмотрел его.

Последним, что видел Лантадик, было спокойное и довольное лицо его врага. Потом он умер, и Кривой Коготь удовлетворённо отошёл от него.

Тальнар всё ещё сидел, закрыв лицо руками. Он бы кричал изо всех сил, но его голос как будто сжался у него в гортани, и он не мог издать ни единого звука. Только когда Кривой Коготь вразвалку подошёл к нему, Тальнар смог выдавить из себя несколько слов:

– Отойди от меня... я предатель...

Кривой Коготь поднял ружьё и, размахнувшись, ударил Тальнара прикладом по плечу. Боли юноша не почувствовал, но сила удара была такова, что он повалился на землю. Кривой Коготь ударил его снова, на этот раз по рёбрам. Судорожно Тальнар попытался подняться, но последовал новый удар – плашмя, по голове, – и молодой убийца снова рухнул на траву.

– Соберись, слизняк! – проорал Кривой Коготь, ударяя его на этот раз сапогом. – Соберись, мать твою!.. Ты сделал только часть задания!

Тальнар закричал, вложив в этот вопль всю боль, терзавшую его:

– Убей меня! Пожалуйста, умоляю, убей!..

– Молчать! – Кривой Коготь наклонился, схватил его за шею и, подняв, буквально всадил спину Тальнара в ствол растущей рядом берёзы. Юноша слабо охнул от боли. На секунду у него потемнело в глазах, а когда зрение вновь прояснилось, он увидел перед собой оскаленную рожу Кривого Когтя. Рыча от ярости, оборотень плюнул ему в лицо.

– Слушай меня, слизняк, щенок, убивший своего отца!.. Ты – никто. Жалко скулящая тварь, которая прокусила руку, вскормившую тебя, и лижет сапог, который тебя бьёт... Лантадик сам бы прикончил тебя, если бы узнал, что ты волк. Не знаю, почему я сам тебя до сих пор не убил. Ты просил смерти? Так вот, я тебя убью, если ты дашь мне повод, но не надейся на то, что эта смерть будет быстрой. Я переломаю тебе кости. Я сдеру с тебя шкуру. Я отдам тебя самым грязным шкурам из моей стаи, и они будут насиловать тебя до смерти. Вот как я от тебя избавлюсь... А теперь решай: либо это, либо ты идёшь в мою стаю. У тебя есть минута, червяк.

Его искривлённые пальцы сжимали шею Тальнара, острые грязные ногти впивались в кожу. Тальнар испытал ещё один – последний – миг решимости. Сейчас он ответит плевком на слова Кривого Когтя. Что будет потом, всё равно. Больше он никого не убьёт.

Он открыл рот. Голос прорвался не сразу, а когда наконец Тальнар закричал, то сам не узнал своего визгливого, скулящего вопля:

– Я согласен! Согласен! Я сделаю всё, что ты прикажешь! Я укушу любого, даже ребёнка! Только не убивай меня! Не убивай! Не убивай!..

Хватка Кривого Когтя на его горле слабела, лицо оборотня отдалялось от его лица, а Тальнар всё ещё кричал. Уже сползая по стволу дерева, теряя сознание, он всё ещё шептал: «Не убивай меня... Не убивай...»

Глава вторая

Проклятый дом

1

Чего Веглао никогда не могла себе простить, так это отсутствие слёз. Нет, когда умерла мама, она плакала очень долго, но когда умер Барлиан, которому тогда было пятнадцать, слёз было уже меньше. А потом умер Нерс, ему было одиннадцать, и умер он спустя три дня после брата и две недели после матери – умер днём. Семилетняя Луя умерла сразу после него – ночью. Их хоронили на следующий день. Отец сам вырыл могилу – только одну, на вторую сил у него уже не оставалось – и положил их туда вместе, завёрнутых в одеяла (гробов у них в деревне больше не делали с тех пор, как умерли оба плотника). Веглао и Ригтирн стояли рядом, и она не плакала. Она даже не чувствовала того же, что чувствовала, когда умерла её мать. За последнее время она уже видела столько смертей и похорон, что совершенно отупела от огромного количества горя, и поэтому, глядя на то, как отец и старший брат закапывают могилу, она не плакала. Она видела, что спина отца сгорбилась, а руки дрожат. Тогда она подумала: «Наверное, скоро и он тоже». И от этой мысли она тоже не плакала. И никогда не могла себе этого простить.

Если взглянуть на физическую карту Бернии, она покажется осколком радуги. Вся северная часть – ярко-зелёная, в неё округлым жёлтым языком врежется местность, которая на картах Антъены, Ярглонии и Тонского королевства обозначена как Великая степь, а бернийцами почему-то упорно именуется пустыней. Корень у этого языка красновато-коричневый – это Клыкастые горы. Так издавна сложилось, что больше всего народу жило на севере. Именно там, на морском берегу, располагались торговые порты. А самой малонаселённой частью после пустыни был восток – лесной край у подножия Лесистых гор. Собственно, до самих гор оттуда было очень далеко, но именно в этих местах начиналась самая старая их часть – древние холмы и маленькие котловины между ними. Городов здесь было мало, больших городов не было вовсе. Население жило в многочисленных деревнях. И когда пять лет назад по этим краям пронеслась, словно вихрь, Красная Лихорадка, две трети этих деревень вымерли полностью, а в оставшихся выжила только малая часть населения. До этого в семье Веглао было семь человек – мать, отец и пятеро детей. Потом осталось только двое – она и Ригтирн. Она не понимала, почему они выжили. Ригтирн был крепким пареньком, никогда ничем не болевшим, он даже ветрянку в детстве не подхватил, но Красная Лихорадка уносила ещё более здоровых и сильных людей. Ей было восемь с половиной лет, она была хрупкой и слабой, но тоже осталась жива. В конце концов Веглао решила, что это была просто случайность, как в том случае, когда подметаешь пол и несколько соринки всё равно остаются. После смерти своей семьи они больше не могли там оставаться – собственно, вообще никто не мог. Правительство издало приказ депортировать выживших, которые не болеют, в новые места – при этом на дорогу деньги давали, а на покупку нового жилья – нет. И когда Ригтирн и Веглао прибыли в Хорсин, они не нашли дома дешевле, чем старый дом Лантадик Нерела.

Он был небольшим, двухэтажным, с двумя комнатами внизу и комнатой и чердаком наверху. После того, как погибла мать Тальнара, Лантадик и его сын не стали там надолго задерживаться, и егерь решил его сдать, но никто не хотел туда вселяться, ходили слухи, что дом проклят. Потому и достался он Ригтирну так дёшево. Веглао поселилась наверху, он – внизу, и начали они здесь свою тихую, неприметную жизнь. Тихую – потому что теперь уже почти ничего не осталось от их прежней семьи, и шуметь и проказничать было некому; непри-

метную – потому что таких переселенцев, как они, было много, и никто особо об этом не беспокоился. Ригтирн водил трактор и работал механиком, Веглао ходила в местную школу.

Сегодня, впрочем, они оба должны были остаться дома – рабочая неделя закончилась. Однако Веглао проснулась, по своему обыкновению, очень рано, с восходом солнца. Она не любила сразу же вскакивать с постели, и некоторое время полежала, закинув руки за голову и глядя то в потолок, то в окно, на клочок розового неба. Потом посмотрела на календарь. С начала учебного года прошло уже две недели, а учёба уже успела ей надоеть, но Веглао думала не об учёбе и не о том, когда закончится первая четверть. Она смотрела не на месяц, а на год. Две тысячи третий год Четвёртой Эпохи. Сентябрь. А эпидемия, которая сегодня снова ей снилась, была в девяносто восьмом. Летом.

Пропасть в пять лет иногда казалась ей казальной невозможной. Нет, это неправда, думала Веглао, чтобы прошло уже столько времени. А иногда – и в последнее время это случалось всё чаще – она понимала, что забывает их. Она теперь уже не могла вспомнить голос отца и улыбку матери. Они как будто уходили от неё в мутный туман, их дорогие черты расплывались, как акварельный рисунок, на который пролили воду. Сначала она не плакала, когда хоронили брата и сестру и умирал отец, а теперь начинает и вовсе их забывать. Неужели она настолько плохая? Наверное, да. Она – просто глупая неблагодарная девчонка, которая отвратительно учится в школе, не слушается старшего брата и никогда не заслужит счастья. Вот поэтому Тальнар её тоже не любит, никогда не обнимет её, не поцелует, не предложит выйти за него замуж. Хотя она на это и не надеялась.

От всех этих мыслей ей стало неуютно и тяжело. Постель вдруг стала неудобной, струйка прохладного ветерка, тянувшаяся от окна (Веглао всегда спала с открытой форточкой, закрывая её лишь в особенно холодные зимние ночи), отдалась дрожью холода во всём теле. Веглао откинула одеяло, ежась, встала с кровати. Даже сквозь истёртый половичок чувствовалось, какой пол холодный. Веглао подошла к окну и, прежде чем крепко закрыть его, посмотрела наружу. В холодном воздухе не было ни ветерка, верхушки деревьев застыли, точно были отлиты из какого-то диковинного разноцветного металла. На голубоватых листьях капусты и поникших, жухлых подсолнухах в огороде поблёскивал иней. Это ничего: скоро взойдёт солнце, и он растает. Веглао повернула щеколду форточки и, отойдя от окна, стянула фланелевую ночную рубашку через голову. Сразу стало холоднее, и она торопилась, застёгивая простенький лифчик (грудь немножко болела, наверное, это означало, что она растёт), за которым последовали комбинация, трусики, тёплые носки, юбка и клетчатая рубашка, доставшаяся от Нерса, старшего брата, который теперь оказался младше самой Веглао. Одевшись, она быстро расчесала волосы и побежала на улицу, умываться. Когда она умывала холодной водой лицо, брызги летели ей на голые коленки, и каждый раз у неё перехватывало от этого дыхание.

Субботнее утро шло своим чередом – умывшись, Веглао побежала готовить завтрак (его обычно готовил тот, кто раньше просыпался), поели они вместе с братом, за разговором не сказав ни слова о прошлом. После этого Ригтирн натаскал воды для уборки и девочка пошла мыть полы наверху, а сам Ригтирн поставил воду греться, чтобы вымыть посуду. Когда было около десяти часов утра, в дверь неожиданно постучали.

Ригтирн открыл дверь и сразу понял, что предстоит очень неприятный разговор. На крыльце перед ним стоял низкорослый человечек, одетый в почти что детский костюм из серой шерсти. Дряблая кожа шеи нависала над туго застёгнутым воротником, ветер слабо шевелил тонкие, молочно-белые волосы, руки и лицо покрылись старческими пигментными пятнышками, но чёрные глаза были умными, цепкими и быстрыми, как у подростка.

– Доброе утро, господин Нармин, – проговорил Ригтирн. Господин Нармин был учителем математики и физики в школе Хорсина.

– Доброе утро, – сказал учитель резким и бодрым голосом, похожим на крик какой-нибудь птицы. – Могу я пройти?

– Да, конечно, – Ригтирн подался назад. Господин Нармин зашёл в сени быстрым и уверенным шагом, как к себе домой, прошёл на кухню и без всякого приглашения сел за стол. Ригтирн, вошедший следом за ним, остался стоять напротив, как провинившийся школьник. Он не стал предлагать Нармину чай: тот заходил как минимум раз в несколько недель и всегда отказывался от угощения, заявляя, что у него ещё много спешных дел. Оставалось только удивляться такой энергичности в столь пожилом возрасте: говорят, господин Нармин начал учительствовать лет за десять до революции 1956 года. Правда, в те времена в сельские учителя зачастую шли мальчишки не старше шестнадцати-семнадцати, но всё же цифра получалась внушительная.

– Я к вам по делу, молодой человек, – начал старичок.

«Я уж знаю, по какому ты делу, – уныло подумал Ригтирн.

– На днях я провёл контрольную у седьмых классов. Ваша младшая сестра получила за неё единицу. В прошлом году у неё были одни двойки, стало быть, к восьмому классу она планирует скатиться на нули, – Нармин всегда говорил так, будто вот-вот рассмеётся, хотя в его словах (по крайней мере, сейчас) не было ничего смешного. – Между прочим, это была совсем не новая тема – просто повторение того, что мы проходили в прошлом году. Ваша Веглао написала эту работу хуже всех в классе. А теперь, когда у неё начнётся физика, я просто не знаю, что делать!

– И я не знаю, – устало проговорил Ригтирн, покачав головой. – Я помню, когда она только-только пошла в школу, учительница её очень хвалила. Она часто говорила маме: «У вас такая умненькая девочка! Такая способная!» – Ригтирн нахмурился и ненадолго замолчал, а потом тихо проговорил:

– Вы понимаете, когда всё это случилось, Веглао стала сама не своя.

– Я, конечно, понимаю, но согласитесь, что пять лет – достаточный срок, чтобы оправиться и вернуться к жизни. Знаете, когда я только начинал работать, у меня в классе у большей части ребят отцов поубивали на войне, а младшие братишки и сестрёнки пухли с голоду. И вы не представляете, какое стремление к знаниям! А в вашем случае, прошу прощения, всё дело в самой обычной лени.

Лицо Ригтирна в продолжение всей этой тирады, казалось, каменело. Наконец, воспользовавшись паузой в речи учителя, юноша быстро его перебил:

– Что ж, я поговорю с Веглао. Вам, наверное, уже надо идти?

– Да-да, – заторопился старик. – Вы правы, мне ещё надо встретиться с родителями нескольких ребят... Согласитесь, куда правильнее поговорить с каждым отдельно, чем созывать все эти новомодные родительские собрания! Не вижу в этом смысла...

– До свидания, – Ригтирн закрыл за ним дверь и вздохнул несколько раз.

Веглао была наверху. Она мыла пол в коридоре. Сидя на корточках и зажав подол платья коленями, она скребла доски ручной щёткой. Её тёмно-русые волосы растрепались, тонкие руки, розовые от воды, были до локтей заляпаны пеной. Комочек пены поблёскивал и на носу.

– Мне надо поговорить с тобой, – окликнул её Ригтирн, может быть, слишком сердито.

– Я сейчас!

– Ладно, закончишь, тогда и поговорим, – отозвался Ригтирн, чувствуя облегчение оттого, что неприятный разговор удалось немного отодвинуть. Ругать сестру было для него самым последним делом. Он вышел на крыльцо, постоял там, сунув руки в карманы, потом сходил в маленький огород, расположенный позади дома. Как и все хорсинцы, Ригтирн и Веглао имели своё небольшое картофельное поле, находившееся за пределами деревни, а в их собственном огороде росли преимущественно лук, чеснок, бобы и морковь – больше ничего на скудной лесной земле не прижилось. Это ещё ничего – в ту осень 98-го, когда они приехали сюда, у них вообще не было никаких запасов на зиму; спасибо, соседи помогли.

Прошло целых пять лет с тех пор, как они переехали сюда, но для жителей Хорсина брат и сестра так и остались чужаками. Произошло это главным образом из-за того, что другие переселенцы заняли дома в самой деревне и постоянно общались с хорсинцами, а Ригтирн и его сестрёнка жили особняком и появлялись в Хорсине только тогда, когда им это было надо. Оба так и не завели близких друзей, и единственные, с кем они более-менее общались, была старая бездетная пара, жившая на окраине деревни – ветеран войны Гвеледил, работавший деревенским точильщиком и часовщиком, и его жена Лиенна, относившаяся к осиротевшим ребятам с робкой нежностью. Особенно Лиенна привязалась к Веглао: эта дикая, нелюдимая девочка была не из тех, которые всюду чувствуют себя как дома и быстро заводят друзей.

Честно говоря, сестра была главной головной болью Ригтирна. Он любил её больше жизни, потому что она была единственной родной душой, которая у него осталась, но не мог не видеть, что прежде весёлая и ласковая девочка с каждым днём становится всё тише, молчаливее и суровее. Ужасная участь их семьи и самого Ригтирна превратила в хмурого старика в теле двадцатидвухлетнего юноши, но то, что и Веглао до сих пор не до конца пришла в себя, ещё больше бередило его раны. Проклятая Красная Лихорадка, убившая их родителей, братьев и сестру, унесла с собой ещё кое-что – она унесла теплоту в отношениях Ригтирна и Веглао.

Сестра выскочила на крыльцо и выплеснула воду под тощую рябинку, которая росла рядом с лестницей. Затем она спустилась, поставила ведро на траву донцем вверх и, смахивая волосы со лба, подошла к Ригтирну.

– Я знаю, зачем он приходил, – с ходу заявила она. – Я не виновата, что мне не нравится его дурацкий предмет.

– Математика – это не дурацкий предмет, – сухо сказал Ригтирн. – Ты ведь знаешь, что у нас очень мало денег, и если ты хочешь поступить в институт, тебе придётся очень хорошо учиться.

Веглао упрямо дёрнула плечами:

– А может, я не хочу поступать в институт.

– Хочешь всю жизнь копать в огороде и мыть полы?

Этот аргумент всегда действовал. Веглао на секунду обиженно нахмурилась, потом продолжила чуть смягчившимся голосом:

– Ригтирн, я не хочу учиться тому, что мне не понадобится. Вот ты меня стрелять учишь – это точно пригодится, я могу стать охотником или кем ещё. А все эти уравнения – да зачем они вообще?

– Танцы бесполезней, чем математика! – выпалил Ригтирн. Веглао мгновенно залилась краской. Брат, как и все другие, не знал об её чувствах к Тальнару Нерелу. Но даже если бы Ригтирн предположил, что Веглао кто-то нравится, о Тальнаре он подумал бы в последнюю очередь. Он не просто не любил Тальнара – он тихо презирал его. Всю свою жизнь Ригтирн работал: сначала на ферме у отца, потом в полях Хорсина, и считал, что главные черты хорошего человека – это трудолюбие, честность и неприхотливость. А если Тальнар и был честен, то уж трудягой его назвать никак было нельзя. Ригтирну он казался изнеженным, слабым и безвольным, и не сказать, чтоб он был так уж неправ. Все эти мысли промелькнули в голове Веглао за какие-то несколько секунд, и она почувствовала, как её щёки наливаются жаркой кровью.

– Не надо так говорить! – обиженно воскликнула она. – Ты... ты... ничего не понимаешь!

Ригтирн не успел ничего сказать – Веглао резко развернулась и побежала прочь. Она толкнула дверцу калитки так, что та, захлопываясь, со стуком ударила по столбику, а девочка тем временем пронеслась через всю лужайку и скрылась в лесу. Ригтирн остался стоять, молча глядя ей вслед. Его охватило противное чувство – гнев, обида, смущение, бессилие – всё вместе. Ему захотелось вздохнуть или сплюнуть, но он не сделал ни того, ни другого, а только молча пошёл в дом и закрыл за собой дверь.

2

Отца он убил, но в том, что произошло дальше, не участвовал. Только смотрел. Кривой Коготь созвал оборотней – а может, и не созывал, может, они просто прятались тут же в лесу и потом вышли наружу, привлечённые звуком выстрела и криками. Тальнар сидел на траве, упершись руками в землю. Его мутило, но он не мог отвести взгляда. И даже не потому, что Кривой Коготь велел ему смотреть на всё до конца, он даже и без этого не смог бы отвернуться. Позже он понял, что забыл всё это – то есть он помнил, *что* они сделали, но *как* это было, в памяти у него не сохранилось. И он думал, что ему повезло – если бы он запомнил всё до мельчайшей чёточки, он бы наверняка стал таким же полоумным, как Щен.

Оборотни принесли с собой своё оружие – огнестрельного у них не было, если не считать ружья Лантадика, которое они получили в то утро. У них были с собой только ножи, а у двоих – топоры. Этими ножами и топорами они рубили и кромсали тело Лантадика до тех пор, пока Егерь Нерел не превратился в кучу кусков мяса и костей, которая уместнее выглядела бы на мясном ряду рынка. Одежду и сапоги перед этим с него сняли, охотничий нож забрали тоже. После этого они разожгли большой костёр и сожгли всё, что осталось от его отца. Тальнар не пролил ни одной слезы, даже когда увидел кровь, даже когда почувствовал неожиданно вкусный запах, вскоре превратившийся в запах гари и дыма. Задним умом он думал о том, что столб дыма поднимется высоко над лесом, но тот лишь расплзлся по земле, щипая глаза. Оборотни смотрели на костёр молча. Иногда только кое-кто из них говорил что-то о том, кто там горел, совершенно не слушаясь правила «о мёртвых либо хорошо, либо ничего». Под конец Щен вдруг громко захохотал, кинулся к костру и принялся кидать туда комки земли и сухие листья. Никто ему не мешал. Под конец он и сам успокоился, сел на свой тощий зад и обхватил колени руками. Тальнар видел, как отражается пламя в его мутных зрачках.

Со временем Тальнар забыл подробности этого, как забыл подробности всего оставшегося дня. Он помнил, что очень долго куда-то шёл. Потом он лежал на какой-то поверхности, на ощупь напоминавшую сухую мягкую траву и листья. Вроде бы он поспал, правда, совсем недолго, а потом снова двинулся в путь вместе с оставшимися оборотнями. Была ещё одна деталь, которую Тальнар не запомнил, потому что всё это время находился в каком-то подобии транса: его не охраняли. Никто не держал его за плечо или за шиворот, никто не следил за ним, его не привязывали на ночь к дереву, как будто он был волен идти куда угодно. Но Кривой Коготь знал, что он никуда не уйдёт – а если и попытается уйти, то он просто пристрелит его из того же ружья, от которого погиб Лантадик Нерел; пристрелит, но не убьёт. Смерть Тальнара он считал слишком мягким завершением всей этой истории.

Далеко в лесу, в двух днях пути от Станситри, на довольно широкой поляне, со всех сторон окружённой старыми толстыми соснами и ольхами, стояли кругом пять или шесть крупных шалашей. Самый большой из них, накрытый сверху шкурами нескольких коров, которым в своё время не повезло встретиться с оборотнями, принадлежал Кривому Когтю и его телохранителям. В остальных жили волки из его стаи. В центре поляны, внутри кольца из шалашей, находилось большое кострище. Тальнар поселился в одном из шалашей, где, кроме него, жили ещё два оборотня – мужчина и женщина, которых он раньше не видел. Они не обращали на него внимания и не разговаривали с ним. Он тоже ни с кем не разговаривал, почти ничего не ел и большую часть времени проводил в полусне, лёжа на своей постели из мха, травы и тряпок. Его никто не трогал, работать не заставляли – казалось, он всё ещё может просто взять и уйти. Но он не уходил – куда он мог теперь деться?

Со временем Тальнар стал жить так же, как и все в этой стае. Стая была невелика, и у всех здесь были свои обязанности. Некоторые оборотни охотились и грабили – это был сам Кривой Коготь и наиболее сильные и смелые его соратники. Другие (преимущественно женщины

и дети) – разжигали костры, готовили пищу, подправляли шалаши, выделывали шкуры убитых животных. Тальнар помогал им в этом, и мало-помалу он познакомился со всеми оборотнями, которые здесь жили, но ни с кем не подружился. Для всех и каждого из них он так и остался чужим, как в самый первый день здесь.

Однажды Кривой Коготь подошёл к нему с разговором. Это было уже начало сентября, и до первого полнолуния Тальнара оставалось немногим больше недели. К тому времени Тальнар уже успел свыкнуться с тем, что теперь он – наполовину зверь. Он знал, что это никакая не метафора: какая-то часть его души на самом деле стала звериной, и именно эта часть отвечала за чёрно-белые сны об охоте на людей, желание попробовать свежую кровь и то, что он чувствовал присутствие других оборотней. То, что Кривой Коготь был не простым оборотнем, а вожаком и тем, кто обратил его, Тальнара, чувствовал и его волк: каждый раз, когда Кривой Коготь оказывался рядом, Тальнар чувствовал, что вместе со страхом и ненавистью ощущает в своём сердце какие-то подёргивания радости, восхищения и благоговения.

– Ну, и как тебе тут живётся, Тальнар? – спросил он издевательски-дружелюбным тоном. Тальнар не ответил, и Кривой Коготь ударил его – лениво, почти не размахиваясь. Голова молодого человека мотнулась вбок и он ударился виском о ствол стоящего рядом дерева.

– Если я спрашиваю, надо отвечать, – услышал Тальнар его голос сквозь звон в голове. Держась за висок, он посмотрел на Кривого Когтя (тот расплывался перед его глазами) и кивнул:

– У меня всё отлично, вождь.

– Правда?

– Абсолютно, – кивнул Тальнар. Кривой Коготь широко улыбнулся:

– Это очень хорошо, Тальнар. Потому что у меня для тебя есть дело.

– Я сделаю всё, что ты прикажешь, вождь, – монотонно ответил Тальнар, глядя на костёр за спиной Кривого Когтя. Вокруг костра сидела небольшая группка оборотней, которые доедали то, что осталось после трапезы охотников и вожака. От костра вверх, прямо в лазуритово-синее вечернее небо, подпрыгивали искорки.

– Через неделю ты станешь волком, – сказал Кривой Коготь. – Ты знаешь, что некоторые волки умирают в своё первое полнолуние?

– Да, мой вождь, я знаю, – негромко ответил Тальнар, по-прежнему глядя на костёр. Кривой Коготь схватил его за шею:

– Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю! Ты хочешь умереть, червяк?

Тальнар не смог бы ответить на этот вопрос по двум причинам: во-первых, он и сам этого не знал, а во-вторых, пальцы Когтя слишком уж сильно сдавили ему горло. Но Кривой Коготь ответил сам:

– Тебе будет лучше, если ты помрёшь.

Тальнар смог выдать несколько слов:

– Я... я не знаю, мой вождь.

Кривой Коготь отпустил его.

– Ты будешь превращаться не здесь. Иди в деревню Хорсин и обрати там как можно больше жителей, лучше всего молодых. Не кусай слишком маленьких детей – помрут в первое же полнолуние.

Должно быть, Тальнар выглядел ужасно в этот момент, потому что рыжие усы Кривого Когтя поползли вверх над красными губами и блестящими зубами:

– Да, парень, правильно, радуйся – вся деревня тебе.

– Да, – прошептал Тальнар, – да, я рад, очень рад.

– Вот и хорошо. Через неделю я посмотрю, стоишь ли ты чего-нибудь, кроме моего плевка.

С этими словами он плюнул ему на воротник.

Тальнар вспоминал каждое слово из этого разговора через неделю, когда шёл к Хорсину заросшими лесными тропинками, которые путались и сплетались между собой, а порой и вообще исчезали в густой высокой траве и опадающих листьях. Он знал, как идти к Хорсину – всё-таки он гулял по этому лесу всю свою жизнь. Туда идти было ближе, чем к Станситри, но Тальнар особо не спешил – если уж ему не удастся предотвратить то, что случится, то хотя бы отдалить это он может. Он вышел из лагеря рано утром в полнолуние, когда было ещё темно, и около десяти часов утра подошёл к небольшому ручью, который вытекал из одного из озёр и ближе к Хорсину, распухнув от многочисленных ручейков и ключей, становился речкой под названием Пчелиная, собственно на которой и была сто лет назад основана эта деревня. С утра было прохладно, но вскоре выглянуло солнце, и воздух нагрелся, почти как летом. Тальнар подошёл к ручью, опустил перед ним на траву и ополоснул холодной водой разгорячённое лицо и исцарапанные ветками кустов руки.

Дальше он шёл по берегу. Дело это было непростое: Пчелиная речка выискивала себе путь среди маленьких холмиков, валунов и лещин, то разливаясь, то сужаясь, то мелея, то образуя глубокие тёмные заводи. Тальнар миновал три устья ручьёв: один он перешёл вброд, второй, затерянный меж мшистых камней, просто перешагнул, третий, окружённый крохотным вязким болотцем, обошёл стороной. На другом берегу он насчитал четыре притока.

Спустя два часа, около полудня, он вышел к тому месту, где река становилась довольно широкой и глубокой. Её низкие, уходившие под воду берега поросли высокими клёнами и густым ивняком, чьи кроны перекрывали почти всё небо над рекой, оставляя на её поверхности только тонкую полоску голубого неба. В воде плавали осенние листья, у берегов виднелись зелёные пятна ряски. В одном месте под воду опускалось наполовину поваленное дерево, старое, но довольно толстое и крепкое. На нём сидела девочка. Её голые коленки, крестнакрест обхваченные загорелыми исцарапанными руками, почти касались подбородка. На её остреньком лице и в больших зелёных глазах, глядящих на воду, застыло выражение упрямства и печали. Тальнар шагнул к ней навстречу прежде, чем подумал: а зачем ему, собственно, к ней идти? Но было уже поздно: под его ботинком хрустнула веточка, над плечами зашуршали листья, и Веглао встрепенулась и выпрямилась.

– Кто здесь? – спросила она ломким, настороженным голосом, и тут же быстро вытерла глаза кулачком. Тальнар раздвинул руками ветки куста и вышел наружу.

– Это только я, не пугайся.

– Я и не испугалась, – пролепетала Веглао. Она не ахнула, увидев его, её ладони не взлетели к приоткрывшемуся рту – ничего такого, что показывают в кино. Просто её взгляд стал каким-то затуманенным и в то же время – невероятно цепким, зорким, прямо-таки ожившим. Она соскользнула с дерева на землю, чёрную, влажную и жирную, усыпанную листьями и крылатками клёна.

– Что ты здесь делаешь? – спросил Тальнар.

– Ничего. Просто гуляю. А ты... ты разве не уехал в Риндар, как хотел?

– Пока что нет.

– Что-то случилось? – спросила Веглао несколько встревоженным голосом. – У тебя... у тебя всё хорошо?

Да, всё отлично, лучше не придумаешь.

– Я слышала, что твой отец куда-то исчез, – продолжала девочка, не дождавшись ответа. – Уже две недели назад.

– Он... с ним всё в порядке, – выпалил Тальнар прежде, чем успел что-то придумать. – Ему пришлось очень срочно уехать, никого не предупредив, и мне тоже. Дело в том, – принялся он сочинять на ходу, – что один из его друзей, с которыми он вместе воевал, теперь живёт на юге, возле Клыкастых гор. Он написал отцу, чтобы тот приехал, потому что этот его друг заболел и хотел с ним повидаться. Я тоже поехал с ним. Отец решил задержаться ненадолго.

– А-а-а, – протянула Веглао. – А ты что здесь делаешь?

Тальнар понимал, что его вид отнюдь не будет служить аргументом, если он скажет, что просто пошёл погулять. Выглядел он так, как и должен выглядеть человек, две недели живший в лесу. Он увидел, что Веглао потихоньку отступила на шаг, и почувствовал резкий укол испуга, смешанного с раздражением. Если она расскажет кому-то, что видела его, план погибнет. Вдруг его осенила идея. Он выпрямился, изящно склонил голову набок и мягко улыбнулся той улыбкой, которая, он это знал, всегда вызывала у Веглао – да и не только у неё – доверие.

– Я тебя напугал? – нежно спросил он. Веглао непонимающе смотрела на него, прижав сжатые кулачки к груди. Она была похожа на полудикого дворового котёнка – вот-вот сорвётся с места и убежит. Тальнар подался к ней навстречу, глядя на неё с той нежностью, которая гипнотизирует любую влюблённую женщину, как бы напугана она ни была. И зачарованная Веглао не двинулась с места. Она только вздрогнула, когда Тальнар легонько дотронулся до её плеча.

– Я совсем не думал, что встречу тебя здесь, – заговорил Тальнар. – Знал бы, одел бы что-нибудь попримечнее. Стоим сейчас здесь с тобой, как принцесса и бродяга.

Обтрёпанная коричневая юбчонка, мальчишеская рубашка в клетку, волосы завязаны в небрежный хвостик – хороша принцесса. Веглао почувствовала, что краснеет. Она разрывалась на части – никогда ещё ей не было одновременно так сладко и так страшно.

– Я всё-таки уеду, – продолжал Тальнар, – дня через два-три. Но знаешь, я так люблю этот лес. Как подумаю, что долго его не увижу, так как-то не по себе делается. Говорят, в Риндаре вообще нет лиственных лесов, один только бор кругом.

– Ага, – пискнула Веглао. Тальнар по-прежнему мягко держал её за плечо, прикосновение это было лёгоньким, как крыло бабочки – шевельнись, и оно исчезнет.

– А в Хорсин ты заходил? – спросила она. Тальнар покачал головой – медленно, как будто эта идея вообще не приходила ему в голову.

– Нет... кстати, может, и зайду. Может, даже сегодня вечером.

– Да, да, сегодня вечером, – слегка оживилась Веглао. – В восемь часов в клубе начинаются танцы. И ты тоже приходи!

Последнее вырвалось у неё быстрее, чем она поняла, что только что сама впервые в жизни пригласила парня на свидание. Тальнар улыбнулся ей так, что её сердце подпрыгнуло до самого горла.

– Отличная идея. Вечер танцев! Вы, наверное, уже забыли всё, чему я вас учил?

– Я ничего не забыла, – пылко возразила Веглао. – Так ты придёшь?

– Приду, – уверенно сказал Тальнар. «Танцы. Много людей»

Веглао расцвела от этих его слов. Чуть-чуть запнувшись, она поблагодарила его, но Тальнар только небрежно тряхнул спутавшимися, но по-прежнему красивыми волосами:

– Мне это совсем не сложно.

Уже когда Веглао отошла на несколько шагов, он окликнул её:

– Но только ты никому не говори, что видела меня здесь!

– Хорошо! – воскликнула девочка счастливым голосом.

Домой Веглао летела, как на крыльях. Она уже не чувствовала никакой обиды на Ригтирна и, влетев в комнату, где он слушал радио, кинулась ему на шею.

– Что это с тобой? – спросил он ворчливым тоном, но в его голосе слышался смех. Он встал и, обхватив её руками, покружил по комнате. Веглао поцеловала его в щёку, Ригтирн рассмеялся и взъерошил ей волосы. Девочка прижалась щекой к его щеке и счастливо выдохнула ему на ухо:

– Прости меня, я была такой дурой... Можно, я сегодня пойду на танцы?

3

Веглао тщательно подготовилась. Она вымыла волосы и расчесала их на косой пробор, надела своё самое красивое платье, доставшееся от мамы – чёрное, в мелкий белый горох, с белым воротничком и манжетами, подолом до середины голени и белым поясом. Сначала, правда, платье пришлось немножко подогнать – хотя Веглао была довольно высокой для своих тринадцати лет, фигурка у неё всё ещё была плоской, а платье было рассчитано на взрослую женщину.

Около восьми часов вечера она надела платье и тщательно вычищенные туфельки, поправила волосы и вышла в гостиную, где сидел её брат. Ригтирн обернулся на её шаги и в первую секунду её не узнал. Её тонкое личико побледнело, глаза взволнованно блестели, дрожащие руки мяли подол платья.

– Ну ты даёшь, Веглао, – проговорил Ригтирн. Ещё никогда на его памяти она не выглядела такой взрослой и красивой. Она поняла его слова по-своему.

– Я такая некрасивая... – проговорила она, чуть не плача.

– Вот уж нет. Ты хорошенькая, – Ригтирн протянул руку и устало потрепал её по голове. Веглао увернулась от его руки и принялась быстро приглаживать волосы.

– Я похожа на маму? – спросила она. Ригтирн окинул её взглядом. Худенькая, нескладная, с тонкими руками и острыми локтями, она была похожа на их мать только цветом волос и глаз – то есть ровно в той же степени, в какой на неё был похож он.

– Да, очень похожа, – со вздохом сказал он. – Веглао, не задерживайся допоздна. Если ты не придёшь к десяти, я пойду за тобой...

– Ригтирн! – девочка быстро обернулась, округлив глаза и умоляюще выпятив порозовевшие губки.

– Ладно. Пол-одиннадцатого дома как штык.

– Спасибо! – расцвела Веглао. Она подбежала к висевшему на стене зеркальцу и приподнялась на цыпочки, вытянув шею. – Я правда красивая?

– Правда-правда. Не опаздывай.

Веглао поцеловала его в щёку и убежала. И едва за ней захлопнулась дверь, Ригтирна вдруг разом охватило какое-то щемящее, болезненное чувство, как будто внезапно открылась старая рана или вновь заболел воспалившийся зуб. Внезапно он почувствовал дикое желание побегать следом за ней и уговорить её остаться сегодня дома, но быстро уговорил себя не устраивать панику на пустом месте.

В это время Тальнар был уже в клубе. Его появление всех удивило – народ был уверен, что молодой учитель танцев уехал в университет. Всем и каждому Тальнар повторял ту же ложь, которую от него уже слышала Веглао, и вскоре история о заболевшем боевом товарище Лантадика разнеслась повсюду. С этого момента никто уже не тарасил удивлённо глаза при виде Тальнара, и молодой оборотень смог вздохнуть спокойно – насколько это вообще было возможно в его состоянии. Раза два-три он потанцевал со своими бывшими ученицами. Одна из девушек без умолку болтала, Тальнар изо всех сил старался непринуждённо отвечать ей и не слишком натужно смеяться над шутками. В целом он чувствовал, что справляется со своей ролью неплохо, но вместо воодушевления ощущал только бесконечное отвращение к самому себе. А ещё он чувствовал, что скоро начнёт превращаться. Он не смог бы описать это чувство, если бы его попросили. Хотя, к счастью для него, просить было некому.

– Привет, Тальнар, – сказал кто-то рядом.

Тальнар быстро обернулся и столкнулся взглядом с девочкой, не достававшей ему до плеча. Спустя секунду он узнал её – это была Веглао, выглядевшая немного старше, чем

обычно, из-за того что на ней было праздничное «взрослое» платье, а её тёмные волосы, обычно небрежно завязанные сзади, были распущены и падали до самой талии.

– Давай потанцуем? – выдохнула она дрожащим от страха голосом, и на её щеках появились два красных пятнышка.

– Давай, – ровным голосом отозвался Тальнар и протянул ей руку. Вспыхнувшая от неожиданного счастья Веглао вложила свою маленькую ручку в его ладонь, и вместе, протискиваясь сквозь толпу парней и девушек, они вышли на площадку.

Несколько пар уже танцевали. Музыка, казалось, отражалась от высокого сводчатого потолка, на котором висела железная люстра со свечами – опять были перебои с электричеством. Тальнар и Веглао встали в позицию и начали танцевать.

Ведя её в вальсе, Тальнар почти не смотрел на неё – ну не мог он смотреть на это худенькое лицо, полное такого счастья и такой гордости. Вот-вот начнётся превращение, и, хотя он не знал, сколько оно продлится, был уверен, что уйти успеют не все. Дверь здесь всего одна, окна слишком высоко. Наверняка образуется затор. Он скользил взглядом по ясным молодым лицам, по тщательно выглаженным блузкам и платьям, по начищенным салом ботинкам, и видел изуродованные, залитые кровью тела, слипшиеся от крови волосы, расплосованную когтями одежду. На часах уже было больше десяти часов. Луна скоро взойдёт.

Внезапно он остановился, не завершив поворота. Веглао налетела на него, но он этого почти не почувствовал, такая она была худенькая и лёгкая. Девочка посмотрела на него с удивлением и тревогой, и Тальнар хорошо её понимал: он буквально чувствовал холод, охвативший всё его тело, ощущал влагу, которая проступала на лбу, ледяными капельками ползла по спине, смачивала волоски на груди. «Ещё немного, – подумал Тальнар, – и меня вытошнит прямо на пол».

– Тальнар... тебе что, плохо?

– А-ага, – просипел Тальнар. Он положил руки Веглао на плечи и медленно оттолкнул её от себя. Потом заставил себя посмотреть на неё. Её щёки всё ещё цвели счастливым румянцем, но глаза были испуганными. Кто-то из танцующих натолкнулся на них, охнул, другой шёпотом ругнулся. Тальнар заставил себя улыбнуться, и улыбка получилась вполне ничего – могла сойти за прежнюю, беззаботную, весёлую.

– Всё со мной нормально. Просто голова закружилась. Пойду постою на воздухе.

– Да? – спросила Веглао. – Ну... ну ладно, иди.

– Ты очень хорошо танцуешь, – сказал ей Тальнар. Она выпрямилась от этих слов, и её лицо снова стало одновременно гордым и растерянно-счастливым.

– Спасибо! – прошептала она так, что сразу становилось понятно, что благодарит она его не за эту вымученную похвалу. Он ещё раз улыбнулся ей улыбкой мёртвого парня, чьё растерзанное когтями оборотня тело разлагается в утыканной камнями котловине, а потом поспешил к выходу, расталкивая людей, и вырвался в ночь.

Воздух был восхитителен. Прохладный, тугой, мягкий, он пах свежестью и лесом. Ноздри Тальнара подрагивали; он ждал других запахов, он хотел чують кровь, мясо и страх; он жаждал этого. Ноги подламывались, когда он шёл к лесу, точнее, пытался бежать туда. Сердце вдруг разбухло, словно его накачали изнутри воздухом, и вместо того, чтобы биться, медленно раздувалось до размеров футбольного мяча и так же медленно сдувалось. Лес перед глазами Тальнара превратился в мелькание светлых и тёмных полос, а когда он закрывал глаза, всё вспыхивало красным. Он раздвигал ветки руками, топтал их ногами, спотыкался, падал, потом снова поднимался. Вскоре он уже не мог идти, только полз. А потом он вдруг словно очнулся. Он находился в зарослях папоротника и какого-то колючего кустарника – он не сразу понял, что это шиповник, что бордово-алые комочки в ветвях – это ягоды, а не сгустки крови, не кусочки дымящегося живого мяса... и тогда весь мир превратился в боль.

Он заорал во весь голос, выгнувшись дугой, разрывая ногтями траву, ввинчивая пальцы в землю. Потом он резко взметнул руки вверх, комочки дерна полетели в разные стороны. Он начал скрести грудь ногтями – там, внутри, что-то ужасно болело, что-то разрывало ему внутренности, отравляло его, ломало, выкручивало... сжирало его заживо. Кровь текла из-под его ногтей, сжатые зубы вонзались в дёсны, из горла рвался отчаянный зовущий, рыдающий крик. И в конце концов этот крик прорвался – но звучал он уже совсем по-другому.

4

Тальнар так и не возвратился в зал, но Веглао это не сильно расстроило. Она до сих пор была в эйфории. Ей казалось, что у неё вот-вот вырастут крылья. То, что он подарил ей на прощание такую вспышку счастья, совершенно убивало тоску, которую она всегда ощущала после общения с ним, после того, как понимала, что ему, в общем-то, на неё наплевать. Целых несколько минут он принадлежал ей, а она – ему, и этого никто не мог у неё отнять. Никто.

Она всё ещё была сама не своя, когда выходила из клуба. Было уже пять минут одиннадцатого, надо было спешить. Веглао подошла к дороге и остановилась, выпрямившись и широко открыв глаза. Ночной воздух был прохладным и свежим, он пах дымом печных труб и молоком. Девочка приложила руку к сердцу, которое билось так сильно, что, казалось, вот-вот вырвется из груди, как птица из рук. Улыбаясь, она медленно зашагала к своему дому.

Будь Веглао городской девочкой, она шла бы сейчас быстро, поминутно оглядываясь и нервничая. Но деревня совсем не то же, что город: здесь она могла опасаться разве что отчаянных малолетних хулиганов, и ей было отлично известно, что обычно они по вечерам бегают на старую живодёрню или в здание полуразрушенной кочегарки, а в центр деревни не навешиваются. Поэтому сейчас Веглао спокойно прошла через площадь, свернула на одну из улочек, которая вела к её дому, и неспешно зашагала по ней.

Когда она поравнялась с последним домом, то услышала голоса, которые быстро приближались. Эти голоса были слишком ей знакомы, чтобы продолжать идти навстречу им, и Веглао резко остановилась.

– Давай, тащи сюда ведро!

– Чёрт! Тяжело же!

– Да цыц ты! Не хватало ещё, чтобы услышала эта психованная бабка!

Веглао быстро отбежала в сторону – здесь дома были только с одной стороны улицы, а с другой к дороге подступали заросли бурьяна, за которым начинался лес. Девочка нырнула в бурьян и затаилась. Спустя полминуты шаги приблизились, а вместе с ними и голоса. Веглао поморщилась, унюхав мерзкий гниlostный запах, который всегда прошибал любого, проходившего рядом с живодёрней. А голоса принадлежали Лурбе Тананди и его приятелю Шамми, по прозвищу Бяшка – двум самым отчаянным шкетам из всей хорсинской шпаны. Ну конечно, ничего более умного, чем забросать танцующих коровьей требухой, им не могло прийти в голову. Приятели о чём-то спорили приглушёнными голосами и отчаянно гремели ведром.

– Пошёл ты куда подальше, Бяшка, если трусишь!

– Да заткнись ты на фиг! Мне в прошлый раз отец чуть уши не вырвал! Если и сегодня зацапают, мне точно хана будет!

– Да в прошлый раз мы из-за тебя и попались, дурья твоя башка! Если бы ты не перетрусил, когда не надо, всё было бы пучком, а так...

«Уходите, – мысленно зарычала Веглао. Но те, судя по всему, разошлись не на шутку – если они сейчас заметят ещё и её, ей точно несдобровать. От неудобной позы уже ныли колени. Решившись, Веглао ползком пробилась на другую сторону зарослей, поднялась на ноги и, быстро отряхнув колени, заспешила к дому через лес.

К тому времени уже окончательно стемнело. Здесь было холодней, чем в деревне, и шуршание веток от ветра казалось зловещим. Веглао поёжилась – надо было захватить куртку – и, обхватив себя руками, поспешила вперёд, чуть не срываясь на бег. Вскоре она вышла на тропинку, которая вела к её дому, и как раз в это время из глубины леса послышался громкий крик.

Веглао остановилась. Она поняла, что кричал человек, который увидел или почувствовал нечто ужасное. Первую секунду девочка даже не могла пошевелиться – ужас сковал её, как цепью. Потом крик повторился, и Веглао нервно дёрнулась. Что, чёрт побери, происходит? Набравшись храбрости, она набрала в грудь побольше воздуха и громко закричала в ту сторону, откуда доносились вопли:

– Э-эй! Вы слышите меня? Ау!

К тому времени лесные банды давно отошли в область страшных историй, и Веглао даже не понимала, какую опасность она может накликасть.

Крик раздался снова – но уже более тихий и как будто со слезами. Сердце девочки сжалось от ужаса и сострадания. Что же делать?

«Зови Ригтирна, – велел ей внутренний голос. – У него есть пистолет. Сейчас вы вместе пойдёте туда, посмотрите, что да как». Веглао была слишком напугана, чтобы не послушаться этого голоса – а потому она снова повернулась в сторону дома и быстро побежала по тропинке.

Но не успела она сделать и нескольких шагов, как с той же стороны, откуда недавно слышались крики, донёлся совершенно другой звук. Это был, несомненно, вопль, но он не принадлежал человеку, это точно. Да и ни одно животное, которое знала Веглао, никогда не орало так кошмарно. С перепугу девочка не заметила выступавший над дорогой бугорок и, споткнувшись об него, до крови рассекла коленки. Застонав от боли, она перевернулась на спину и уже хотела сесть, но тут застыла, глядя широко раскрытыми глазами на небо. Рот девочки медленно приоткрылся, тело охватила мелкая дрожь.

Луна. Полная, идеально круглая, как серебряная бусинка или жемчужина.

Шатаясь, Веглао поднялась на нетвёрдые ноги, по которым из разбитых коленей тонкими струйками текла кровь. Полнолуние. Сегодня – полнолуние. Дура безмозглая, как ты могла забыть? Какого чёрта ты не подождала Ригтирна, ради чего пошла одна через лес? Вот кто это был в лесу – это не просто волк или собака, вой которых ей доводилось слышать нередко, это оборотень!

Надо было бежать. Оттолкнуться от дерева, за которое она держалась, чтоб не упасть снова, и бежать! Но она ещё не вполне оправилась от ужаса: её ноги дрожали, сердце словно оледенело, горло перестало принимать воздух. Наконец её внезапно обострившийся слух уловил звук, которого она ждала и одновременно надеялась, что его не будет – шорох. Что-то спешило сюда издалека, проламываясь сквозь туго переплетённые ветки кустов и деревьев.

Беги, беги быстрее! Но куда? К брату? Но ведь зверюга последует за ней, и тогда она не только себя погубит, но и Ригтирна... Нет! Надо бежать в деревню, поднять тревогу... Жители вооружатся, и все вместе они смогут прогнать оборотня или даже убить его. Да, это идея. Надо предупредить всех, и как можно быстрее. Веглао резко развернулась. Сейчас надо было выбирать между оборотнем и шпаной – и лично она предпочитала шпану.

Но едва она сделала шаг, как кусты впереди зашевелились и, раздвигая их, на дорогу неторопливо вышло ЭТО.

Веглао замерла. Она вдруг с каким-то пугающим спокойствием поняла: ЭТО её убьёт. Сто процентов, убьёт. Ей от него не убежать. Стоит только посмотреть на эти мощные длинные лапы, явно привычные к долгому бегу, и это сразу станет ясно. Пока что зверь (нет, это не волк – это что-то другое, похожее на волка, но всё-таки не он) её не заметил, но сейчас он повернёт голову и увидит...

Так и случилось. Зверь повернул голову и Веглао увидела его глаза. Зверь стоял в тени, неподалёку от пятна лунного света, и всё его тело казалось большим тёмным силуэтом – но глаза было видно хорошо. Они были жёлтыми и горели, как два уголька.

Зверь зарычал – это было не предупреждающее рычание, как у рассерженной собаки, а глухой утробный звук, при котором сразу становилось понятно – зверь не просто предупреждает, он обещает тебя убить, и сделает это только потому, что ему так захотелось. Веглао

отступила на шаг. Она слышала, как зверь шумно, с сопением дышит – он учуял запах её крови. Потом зверь пошёл ей навстречу – не прыгнул, не побежал, а просто пошёл, неторопливо и как будто заинтересованно. Он вошёл в пятно лунного света и здесь остановился, как будто предлагая Веглао рассмотреть себя получше. Только теперь Веглао поняла, насколько он огромен – он был гораздо крупнее обычного волка, и не в пример массивнее.

А потом всё было очень быстро. По малейшему движению, с каким он согнул свои передние лапы, Веглао догадалась, что он готовится к прыжку, и тут же одним махом повернулась и помчалась к дому.

Краем уха она уловила, как мягко стукнули о землю лапы промахнувшегося зверя, его короткое рассерженное рычание. Она бежала всё быстрее и быстрее, с каждым шагом прибавляя скорость – только бы добраться до дома, только бы добежать!

Лунный свет, резкие тени, застывшие в неподвижном воздухе листья деревьев, густые заросли придорожной травы – всё прыгало у Веглао перед глазами. В ушах свистел ветер, волосы развевались за спиной и бились по плечам. Зверь не отставал. Лязг его зубов, тяжёлое хриплое дыхание, короткий рык, которым сопровождался каждый прыжок, давали Веглао понять: зверь в ярости от того, что жертва не сдалась сразу, а значит, он разорвёт её в клочья, когда догонит. А догонит он обязательно – с каждой секундой земля под его лапами содрогалась всё сильнее и сильнее.

Бег отнимал у Веглао всё дыхание – она не могла даже вскрикнуть. Волк тоже бежал слишком быстро, чтобы громко рычать. Они мчались молча, тихо и быстро, как две тени, и только лёгкий стук туфелек девочки и лап монстра говорил о том, что это всё-таки живые существа. Веглао чувствовала, что он скоро её догонит. Сейчас она уже не думала о том, что ведёт эту тварь прямо к Ригтирну – инстинкт самосохранения говорил громче рассудка, и говорил он только одно: беги, беги, быстрее, чёрт возьми!!!

Она свернула с дороги, с размаху, как в омут, бросилась в заросли крапивы и малины. Обжигая голые руки и ноги, пригибаясь и перепрыгивая мелкие лощинки, она помчалась прямо через лес, петляя между деревьями. Зверь явно не ожидал такого. На несколько секунд он даже отстал, и умирающее от ужаса сердце Веглао радостно встрепенулось. Но радоваться было рано – ещё несколько мгновений, и сухие веточки захрустели под мощными лапами совсем рядом. Не оглядываясь, девочка бежала дальше. Наконец, уже падая от усталости, она вырвалась из душной паутины леса на поляну перед своим домом. В окнах горел свет. И в этот момент – не то от ужаса, не то от внезапной отчаянной радости – у Веглао открылось второе дыхание.

– Ригтирн! – закричала она так громко, как только могла. Волк за её спиной громко, ненавидяще взлаял и обрушился на плечи Веглао всей своей массой.

Каким-то чудом Веглао удалось выскользнуть из-под него ещё до того, как он упал, и откатиться в сторону. Падая, она ударилась о землю, от боли у неё закружилась голова. Ничего не видя, только чувствуя колючую траву под своим телом, она снова закричала во весь голос:

– Ригтирн!!

Оборотень снова прыгнул на неё – он рычал от бешенства, с его лязгающих зубов срывались клочья пены. Его лапы опустились на землю по бокам от плеч распростёртой на земле девочки, голова резко опустилась – он уже собирался перегрызть её горло. Но упрямая жертва до сих пор продолжала отбиваться, отчаянно визжа и молотя его кулаками и коленями. Он рвал её кожу и мышцы длинными когтями, лязгал зубами перед её лицом, всё больше сатанея от того, что она отчаянно вертелась и всякий раз его зубы смыкались вокруг воздуха, в сантиметре от нежной кожи, под которой билась сладкая кровь. Девочка рыдала в голос, с каждой секундой теряя силы, и надрывалась от крика, повторяя всего одно слово – имя брата.

Внезапно резкий грохот оглушил оборотня, какая-то вспышка заволочла белым огнём его правый глаз, и отчаянная боль обожгла лапу возле плеча. Он отпрянул, глухо рывкнув от боли, и увидел того, кто напал – это был человек, бледный, высокий, с ужасным искажённым лицом, сжимавший в руке дымившийся пистолет. Девочка, скользя в собственной крови, перевернулась на живот, порываясь отползти, и мимолётный страх перед человеком с пистолетом тут же исчез, уступив место резкой голодной ярости: жертва уходит! Ревя и булькая натёкшей в пасть слюной, оборотень рванулся вперёд и вцепился в ногу девочки.

Та вскинулась, выгнувшись дугой, и послала навстречу Луне дикий рыдающий вопль. Оборотень не успел даже распробовать её кровь – новый выстрел отбросил его в сторону. Брызнуло два фонтанчика крови: один – из ноги потерявшей сознание девочки, второй – из горба на спине чудовища. Рана была такой, что зверь не сразу смог подняться, и в глазах у него потемнело. Когда зрение наконец прояснилось, он с чувством невыносимого разочарования увидел, что человек стоит совсем неподалёку, прямо над девочкой, прикрывая её, и снова поднимает свой пистолет.

Ригтирн был в таком состоянии, что его не испугала бы целая стая оборотней. Он поднял оружие и прицелился, опасаясь только одного – что его рука дрогнет от ярости и он промахнётся.

Оборотень оскалился. С его клыков и шерсти на подбородке свисали нити тягучей светло-красной слюны. Глаза обещали Ригтирну смерть, но взгляд человека был не менее, если не более, бешеным, чем взгляд зверя.

– Я убью тебя, ублюдок, – сказал Ригтирн и выстрелил. Пуля лишь оцарапала оборотню плечо, и он коротко заскулил, как пёс, которого пнули сапогом в бок. Перебитая пулей лапа невыносимо болела, кровь лилась из неё ручьями. Оборотень понял, что пока что лучше уйти. Прежде чем Ригтирн успел нажать на курок вновь, зверь легко вскочил и в два прыжка скрылся в лесу.

5

Машина Гвеледила на всех парах неслась в Станситри, подпрыгивая на ухабах. Руки старого механика дрожали, сжимая руль. Ригтирн, сидя на заднем сиденье, безумными глазами смотрел в бледное и неподвижное лицо Веглао, голову которой поддерживал на своих коленях. Они завернули девочку в плед, но кровь пропитала его и капала на пол машины.

– Мы уже скоро приедем, – дрожащим голосом повторял Гвеледил, хотя Ригтирн не подгонял его, он вообще ничего не говорил. Час назад Гвеледил прибежал на поляну перед домом Ригтирна с ружьём наперевес и увидел страшную картину: юноша, крича от ярости, палил из пистолета по тёмному лесу, а в скорчившемся, окровавленном человечке у его ног Гвеледил с ужасом узнал Веглао. Спустя некоторое время он пригнал свою машину и, вместе с онемевшим от горя Ригтирном затащив еле дышащую девочку в салон, покатыл в больницу.

Как ни давил он на педаль своего старенького «Абордажа-74», в Станситри они прибыли только к двум часам ночи. Улицы города были пусты, оранжевые фонари кое-где не горели, но окна городской больницы были ярко освещены. Неся сестру на руках, Ригтирн вбежал во двор вслед за соседом, уже колотившим в двери.

Ригтирн не мог ничего объяснить внятно – он смог лишь сказать, что на девочку напал какой-то лесной зверь. Но это было и не нужно – никто не ждал его объяснений, дежурные пришли в ужас от вида ран Веглао и один из них помчался за ночным врачом. Девочку положили на каталку и быстро куда-то повезли. С каталки капала кровь и замирала на полу глянцевоцветными монетами. Медбрат был взволнован, он не сразу протолкнул каталку в проём двери, а когда наконец въез её внутрь, Ригтирну не разрешили последовать за ним.

– Ждите здесь, молодой человек, обо всём скажем, – заявил доктор, отталкивая Ригтирна от двери и закрывая её перед его лицом. Ригтирн выбросил вперёд руку, чтобы рвануть дверь на себя, ворваться внутрь, но остановился. Уронив руку, он отступил на несколько шагов назад и развернулся к двери спиной.

Перед ним в конце коридора было окно. Шатаясь, как пьяный, Ригтирн подошёл к окну и, схватившись за прутья решётки обеими руками, прижался к ней лбом.

Ночь прошла, наступило утро, город зашумел, как обычно, а Ригтирн всё так же стоял у решётки, прижавшись к ней пылающим лбом. Он не видел ни побежавших к деревьям теней, ни пятен света на сухой земле. В глазах его не было ни одной слезы. Они были сухие и горячие.

Никакой надежды в нём уже не осталось. Он ничего не слышал из-за шума в голове. Дверь наконец распахнулась за его спиной, и недавно прогонявший его доктор вышел из неё, на ходу снимая перчатки.

– Молодой человек! – позвал он. Ригтирн не откликнулся, даже не шевельнулся. Доктору пришлось позвать его ещё два раза, и только на третий, когда врач уже испуганно подумал, что парень помешался, он оторвался от решётки и медленно, тяжело развернулся, не глядя доктору в глаза.

– Веглао умерла? – глухо спросил он.

– Нет, что вы, – тихо ответил доктор. – Жива ваша девочка. Она ваша дочь?

– Сестра, – прошептал Ригтирн. Его вдруг заколотила сильная дрожь, и он зашатался. Он бы упал, но доктор поспешил к нему и помог усесться на стул.

– Ну конечно, сестра. То-то я смотрю, для отца вы молодой слишком, – утешающим голосом сказал доктор. Ригтирн справился с собой и тяжело поднялся на ноги. Переведя блуждающий взгляд на доктора, он глухо спросил:

– Где она?

– В палате. Отдыхает.

– Я хочу её видеть. Я хочу её видеть сейчас.

– Подождите, сейчас вам принесут халат. Сестра, подойдите...

Пока несли халат, Ригтирн спросил:

– Она тяжело ранена?

Доктор помрачнел. Он снял очки и стал протирать их фланелевой тряпочкой, которую вынул из кармана.

– Раны теперь ей не страшны, – коротко сказал он.

– Но я же сам видел... было столько крови!

– Они зарастут очень быстро, – заявил доктор, снова водружая очки на нос. Это известие, казалось бы, должно было обрадовать Ригтирна, но вместо этого юноша страшно побледнел и вновь рухнул на стул, почти не дыша и глядя на доктора дикими, вытаращенными глазами.

– Нет! – вдруг закричал он. – Нет! Этого не может быть, не может!

Он в ярости ударил себя кулаками по коленям, потом ещё и ещё и, наконец, застонав, уронил на руки голову и застыл.

– Вот ваш халат, – донеслось до него. – Идите, взгляните на неё. Она пока без сознания, но скоро должна прийти в себя.

Доктор взял его под руку. Как во сне, Ригтирн двинулся за ним в палату, совмещённую с операционной. Доведя его до нужной двери, пожилой врач остался у порога, пропуская Ригтирна внутрь.

Запах крови и спирта душной волной окатил его, едва он вошёл. Палата была почти пуста. Веглао была её единственной постоялицей.

Она лежала на кровати без сознания, её худенькое тело беззащитно вытянулось под одеялом. Волосы разметались по подушке, и одна тонкая прядка у виска стала серой, как пепел. Медленно опустился Ригтирн на стул, стоявший в изножье, и замер, глядя на её осунувшееся личико.

Губы Веглао были чуть приоткрыты. Из-под неплотно закрытых век слабо мутнели белки глаз. Ригтирну было страшно. Он не мог отделаться от мысли, что, когда Веглао откроет глаза, они окажутся не зелёными, а жёлтыми, с вертикальными зрачками, а когда улыбнётся, он увидит в её рту клыки. Наконец он чуть склонился и схватил тоненькую забинтованную ручку, лежащую на покрывале. Какая тёплая, живая рука, какая нежная кожа, пусть даже и чуть желтоватая от потери крови! Неужели перед ним лежит чудовище?!

Сердце Ригтирна задрожало, и накопившиеся слёзы хлынули в два ручья. Сотрясаясь от рыданий, он склонился над Веглао и прижался лицом к её острым коленкам. Сколько времени он провёл так, наедине со своим горем, он не знал. Через какое-то время он почувствовал, что кто-то трогает его плечо.

Ригтирн приподнял голову и увидел, что рядом с ним стоит Гвеледил. Его выпуклые глаза неподвижно смотрели на Веглао, побледневшие губы слегка шевелились. Уловив движение Ригтирна, он растерянно повернулся к нему и сдавленно проговорил:

– Вот оно что, сынок... Как же теперь быть, а?

Ригтирн не ответил.

Веглао очнулась спустя несколько минут. Некоторое время она от слабости не могла даже открыть глаза, но всё слышала. Первые же слова доктора, который зашёл в палату, сказали ей всё, и она почувствовала, как её сердце, и так бившееся еле-еле, медленно останавливается и становится ледяным. Ей стало холодно, хоть она была накрыта одеялом. Ей захотелось больше никогда не открывать глаз. Не надо было убегать. Надо было остаться на месте и дать этой твари убить себя. То, что он сделал, было хуже смерти во много раз.

Потом она всё-таки открыла глаза. Ригтирн бросился к ней, начал что-то говорить, глядя ей в лицо потерянными, испуганными глазами, глазами маленького ребёнка. Веглао слышала его голос, но не понимала слов. Она смотрела на него, но ничего не чувствовала. Всё, что она

ощущала, была пустота. Куда смотрит её брат? К кому он обращается? Она мертва, её больше нет, она – оборотень.

Ригтирн отнёс её на руках в машину Гвеледила. По пути она прижалась к нему и закрыла глаза, но перед этим успела увидеть, что во дворе больницы собралась небольшая толпа – по городу уже поползли слухи о том, что этой ночью в Станситри привезли оборотня.

Когда они ехали домой, в машине Ригтирн укутал её своей курткой.

– Тебе не холодно? – заботливо спросил он. На улице ударил ранний заморозок, и трава покрылась изморозью, а Веглао была в изорванном платье и босиком.

Она поглядела на него снизу вверх, молча помотала головой и снова уткнулась щекой ему в грудь.

Гвеледил подвёз их к самому крыльцу. Ригтирн вышел первым и быстро поднялся по лестнице, чтобы открыть дверь. Всё это время Гвеледил сидел молча, глядя в окно и шевеля волосатыми большими пальцами рук, лежащих на руле. Веглао тоже молчала. Она не отрываясь глядела на лужайку, на которую выходила тропка из леса. Участок травы на этой лужайке был чёрным от крови.

Открыв дверь, Ригтирн быстро спустился по лестнице и открыл дверь машины.

– Спасибо вам, дядя Гвеледил, – сказал он, всунув в салон голову и плечи. – Не знаю, что бы мы без вас делали.

– Не стоит, Ригтирн, – сухо ответил Гвеледил, поворачивая к нему голову. – Отдыхайте. Если что-нибудь понадобится, обращайтесь ко мне.

– Ещё раз спасибо. Пойдём, Веглао.

Он поднял девочку на руки и занёс её домой. Там он поставил её на пол и отправился на кухню, чтобы растопить печку. Веглао осталась стоять в прихожей, держась одной рукой за стену и по-прежнему кутаясь в куртку брата. Весь пол в комнате был заляпан кровью, одна затвердевшая от крови туфелька валялась у плинтуса, и Веглао никак не могла вспомнить, где она потеряла вторую – в лесу или на лужайке, а может быть, даже в больнице.

Ригтирн затопил печку и вышел в прихожую. Увидев, что Веглао всё ещё стоит, держась за стену, он подошёл и положил ладонь ей на голову:

– Веглао, может, хочешь выкупаться? Я согрею воды.

Девочка, будто очнувшись, подняла голову.

– Да нет, – проговорила она, – мне что-то не хочется.

– Ну ладно, – с фальшивой бодростью в голосе заговорил Ригтирн. – Знаешь, я сегодня не пойду на работу. Давай попьем чаю? Ты голодная?

– Ригтирн... Надо, наверное, снять бинты.

– Уже сейчас? – растерялся Ригтирн. Бодрость в его голосе ещё раз встрепенулась, но тут же погасла, как свечка. Он судорожно вздохнул и крепко прижал Веглао к себе.

– За что нам всё это? – прорычал он, глядя ненавидящими глазами в стену. – Сначала мама, потом ребята, потом отец!.. Теперь вот ты!.. Ну почему, почему?!

Веглао молча стояла, прижавшись к нему, но не обнимая его, а потом высказала мысль, которая крутилась в её голове уже несколько часов:

– Лучше бы я умерла.

Ригтирн вздрогнул. Схватив Веглао за плечи, он поднял её лицо вверх и посмотрел её в глаза испуганным и возмущённым взглядом:

– Вот ещё! Не говори так никогда, слышишь?! Так нельзя говорить!

– Ещё как можно! – Веглао оттолкнула его от себя. – Лучше бы я умерла! Лучше бы умерла! Лучше бы умерла!

Она повернулась к стене и сжала зубы. Глаза крепко зажмурила и прижала к ним кулаки. Она подумала, что сейчас расплачется, но этого не случилось.

Ригтирн мягко взял её за плечи и повёл наверх, в её комнату. Там он уложил её на кровать, сам снял с неё изорванное платье и помог надеть майку и домашнюю юбку. Прямо в одежде он лёг рядом с ней в кровать, укрылся вместе с ней одеялом и крепко её обнял. Веглао обхватила его руками и прижалась лицом к его плечу, и они лежали так очень долго, не говоря ни слова. Вскоре на улице начался дождь, небо проливалось холодные осенние слёзы, но брат и сестра не плакали. Только тогда Веглао вспомнила, что тогда, на похоронах Нерса и Луи, и уже потом, у постели отца, Ригтирн тоже не плакал. То, что случилось с ними тогда, и то, что случилось сейчас, было настолько серьёзным и ужасным, что плакать просто не было сил.

6

Тальнар пробрался в стойбище через пару часов после рассвета. Некоторое время назад он промыл свои раны водой из ручья и перевязал их тряпками, которые оборотни таскали с собой именно для этой цели. Первое полнолуние для всех оборотней – самое тяжёлое, нередко они просто не выживают. Тальнар выжил, и теперь не знал, повезло ему или нет. Он совершенно обессилел, с трудом мог передвигать ноги, но физическое его состояние не шло ни в какое сравнение с моральным. Он был в шоке. К самому себе он испытывал ужас и отвращение. Он укусил человека. Он укусил девочку тринадцати лет, которая кричала от боли и вырывалась. Он укусил Веглао.

Тальнар смутно помнил, как это было. Он знал, что не хотел этого. Когда он – нет, уже не он – мчался вслед за убежавшей девочкой, какая-то часть его сознания вопила от ужаса, пыталась сдержать чудовищную ярость, загнать её обратно в потаённый уголок сердца. Но его сознание было абсолютно бессильно: он ничего не мог сделать, он мог только смотреть. И то, на что он смотрел, было ужасно. Тальнар не мог поверить, что это его руки – ободранные, в болячках, со вьёвшейся в кожу грязью, но всё ещё изящные, – его руки были теми когтистыми лапами, которые мучали отчаянно кричавшую девочку. Он хорошо запомнил, какова была на вкус её кровь – он несколько раз прополоскал рот водой, такой холодной, что отдавалась болью в корнях зубов, но так и не смог отделаться от этого вкуса.

Оборотни отдыхали в шалашах или лежали на траве под небом, наслаждаясь последним теплом. Кое-кто из них повернул голову, глядя на Тальнара, большинство же не обратили на него внимания. Спотыкаясь от усталости, юноша направился к своему шалашу, но он не успел там скрыться – откинув полог своего шатра из шкур, на поляну выступил Кривой Коготь. Он повернулся к Тальнару – тот сжался, инстинктивно втянув голову в плечи. Он ненавидел этого оборотня всей душой, и наверняка уже давно бросился бы на него и попытался задушить, даже если бы это стоило ему жизни, но ненависть была гораздо слабее того огромного ужаса, который Кривой Коготь внушал ему – да и не только ему. Почему-то его не покидало странное ощущение, что Кривой Коготь чувствует чужой страх. Вот и сейчас, едва увидев Тальнара, Кривой Коготь посмотрел на него с таким выражением лица, что сразу становилось ясно: он прекрасно понимает, что творится в душе молодого оборотня.

Тальнар быстро взглянул на его лицо, но не в его глаза, и поспешно развернулся, собираясь уйти – куда, неважно, лишь бы подальше от этих серебристых глаз. Но он не успел сделать ни единого шага – за его спиной раздались тяжёлые неторопливые шаги, и Тальнар словно прирос к месту.

– Как прошло полнолуние, Тальнар? – вкрадчиво спросил вожак, подойдя к юноше поближе. – Я всё думал: выживешь ты или нет? Что с плечом?

Тальнар инстинктивно схватился за простреленное плечо.

– Это... это я сам. Было больно, и... – Он не успел договорить и вскрикнул от боли – Кривой Коготь резко развернул его к себе и начал срывать повязку с плеча, царапая рану ногтями. Содрав полоску ткани и отбросив её в сторону, он взглянул на Тальнара со злобой:

– Сам? Щенок! Думаешь, я не отличу царапину или укус от пули? – С этими словами он сорвал с раны уже образовавшийся струп, перехватил окровавленной рукой Тальнара за волосы и, развернув его, ударил его грудью о ствол растущего рядом дерева. Тальнар глухо вздохнул от боли. Кривой Коготь бросил его на землю.

– Чёртов лгун!.. Ты помнишь, что я тебе говорил сделать?

– Да, – простонал Тальнар, зажимая ладонью рану, вновь засочившуюся кровью.

– Ты это сделал?

– Н... нет, – прошептал Тальнар.

– Не слышу! – Кривой Коготь приподнял ногу и опустил тяжёлый сапог на шею Тальнара. Тот захрипел от боли и ужаса.

– Д-да, да! Я всё сделал... отпусти... – простонал он, хватаясь обеими ладонями за сапог оборотня. Тот продолжал с садистским удовольствием вдавливать подкованную железом подошву в шею Тальнара.

– Что-что ты сделал? – мурлыкающим голосом переспросил он. Тальнар беспомощно разевал рот, из его горла вырвался какой-то жалкий полузадушенный писк. Коготь слегка ослабил давление, и Тальнар выдохнул:

– Я укусил... укусил девочку... ей тринадцать лет... не надо больше, не надо!

– Одну девочку? – переспросил Кривой Коготь, надавливая сапогом на шею Тальнара и слегка поворачивая им. – Я же сказал, чтоб ты укусил побольше народу. Забыл, что я делаю с теми, кто меня не слушает? Хочешь вспомнить?

– Я не мог! Да отпусти же ты! – боль привела Тальнара в ярость, в этот момент он ненавидел Кривого Когтя сильнее, чем когда либо. Он яростно пнул его снизу вверх в ногу, едва не попав в пах. Кривой Коготь убрал ногу с его горла, и молодой оборотень жадно вдохнул воздух. А в следующую секунду Кривой Коготь пнул его в бок.

– Ты у меня отучишься замахиваться на вождя, – всё ещё спокойно сказал он. – Почему не выполнил задание?

– Потому что в меня стреляли! – ответил Тальнар, глядя ненавидящими, полными слёз глазами, на травинки перед своим лицом. Здесь трава была зелёная. Там, у дома Веглао, она была красной. – В меня стреляли, и я убежал в лес, вот и всё.

– Кто стрелял?

– Её... её брат. Он увидел меня.

– Что ж, – даже не видя Кривого Когтя, Тальнар понял, что тот улыбается, – это всё меняет.

Тальнар тяжело встал на колени, держась рукой за дерево. Он поднял голову и посмотрел на Кривого Когтя.

– Что меняет? – пролепетал он.

– Ты трус, – холодно ответил Коготь, – но ты наш трус. Этот парень стрелял в волка из моей стаи, так что он должен за это заплатить. Завтра ты проведёшь меня к нему. Заодно и девочку заберём.

Тальнар почувствовал, как у него пересохло в горле. В первую секунду он не смог ничего сказать. Лицо его мгновенно посерело. Из горла вырвался судорожный вздох.

– Что не так? – издевательски приподнял брови Кривой Коготь

– Нет, мой вождь, прошу вас! – воскликнул Тальнар. – Не надо туда ходить! Она умерла, умерла! Я убил её, она истекла кровью! Я сам видел!

– Как ты видел, если тебя подстрелили и ты убежал в лес?

– Я, я... порвал ей горло! Она не могла выжить!

– Горло? – переспросил Кривой Коготь. – Да, это сделать хочется в первую очередь... Ладно, вставай.

Тальнар поднялся на ноги. В голове у него шумело. Он мог думать только об одном – если Веглао всё ещё жива, Кривой Коготь не должен добраться до неё. Вожак оборотней удалялся своей вальяжной походкой, его рыжие волосы шевелились на ветру. Тальнар посмотрел ему вслед и помотал головой.

«Ты её не тронешь, гад, – подумал он, – никогда не тронешь».

7

Ещё никогда Веглао не тянула так с походом в школу. Она нарочно выбрала самый длинный путь – вдоль ручья, мимо Круглого озера, которое было ужасно грязным от того, что в него стекали отходы с трёх расположенных рядом ферм, но всё же некоторые отчаянные головы осмеливались там купаться. Потом она прошла по улицам, пачкая ботинки в серой грязи, и собаки во дворах захлёбывались яростным испуганным лаем, а люди торопливо отворачивались и задёргивали занавески.

В конце концов она опоздала на урок. Когда она вошла в школу, уже было тихо. Пожилая вахтёрша дремала, откинув голову на спинку глубокого вытертого кресла, в котором сидела. Когда Веглао тихо прошла мимо неё, то почувствовала запах какого-то лекарства.

Тихо, почти на цыпочках, и медленно, она пошла по коридору. Двери классов были закрыты, за ними раздавались голоса:

– А теперь посмотрим сюда...

– Двухкамерное сердце есть у земноводных, таких как...

– Забирайте ваши работы, и чтобы на следующей контрольной...

Вот и её класс. Оттуда доносил Встав перед дверью, Веглао вытянула вперёд руку, собираясь постучать, но не решилась. Ей не хотелось заходить в класс. Ещё два раза она поднимала руку и снова опускала её. Наконец, решившись, быстро постучала по двери и, сжав зубы и опустив голову, точно ожидая удара, опустила руки.

Обычно ученики сразу после того, как стучали, распахивали дверь и, засунув голову внутрь, выдыхали на одной ноте: «Здравствуйте-извините-пожалуйста-можно-войти-в-класс». Но Веглао на это решимости уже не хватило.

За дверью стало тихо. Потом послышались шаги, и дверь открылась.

Учительница посмотрела на Веглао сверху вниз.

– А, вернулась, – сказала она без всякого намёка на тепло в голосе. – Ну, заходи.

Опустив голову и не глядя ни на кого, Веглао вошла в класс и остановилась перед доской. Учительница закрыла за ней дверь.

– Ну, садись же, – нетерпеливо сказала она. По-прежнему глядя лишь в пол, Веглао медленно развернулась и пошла к своей парте. В её классе было одиннадцать человек – необычно большое количество для деревенской школы, но сюда ходили и дети из двух соседних посёлков – и надо же было случиться так, чтоб сегодня все были в сборе. Никто не писал, никто не смотрел в учебник, никто ничего не говорил. Веглао не видела их глаз, но понимала, что все смотрят на неё. Все взгляды были одинаковые: чуточку испуганные, чуточку разозлённые, и все без исключения – отчуждённые. Ей здесь были не рады.

В зловещем, звенящем молчании она прошла за свою парту (соседка по парте села сегодня в другом конце класса) и скользнула на стул. Голова начала слегка кружиться. Медленно Веглао вытащила тетрадку и карандаш.

Кашлянув, учительница начала диктовать что-то. Веглао бездумно записывала, совершенно не вникая в то, что выводила своей рукой. Она даже не заметила, что пишет предложения под диктовку в тетради по математике. В классе начали раздаваться шепотки, ребята кивали в сторону Веглао, кидали на неё злые взгляды. Она почти ничего не видела, но буквально чувствовала их злобу. Щёки горели. Пальцы мелко дрожали, и карандаш соскальзывал со строчек. Как жаль, что в школе нельзя ходить с распущенными волосами! Она сейчас скрыла бы ими лицо.

– Можно попить? – вскинул вдруг руку плотный рыжеватый мальчишка, сын кузнеца, слывший слегка поповатым.

В классе у них позади всех парт стоял небольшой столик, а на нём – кувшин с водой и стаканы.

– Конечно, попей, – разрешила учительница, на секунду подняв на него глаза от книжки. Кто-то из мальчиков начал быстро шептать что-то в красное оттопыренное ухо своего соседа по парте. Оба обернулись к Веглао и одновременно прыснули от смеха. Учительница стрельнула глазами в их сторону, но ничего не сказала. Веглао почувствовала, что краснеет ещё сильнее, и в очередной раз пожалела, что вообще вышла из дому.

Тем временем сын кузнеца встал и вразвалку подошёл к стоявшему позади всех парт столику с наполненным водой кувшином и несколькими стаканами. Налив воды в стакан, он поднёс его к губам и плюнул в него. А потом, развернувшись, со всего размаху швырнул стакан в спину Веглао, злобно крикнув:

– Получай, зверюга!

Каким-то чудом она успела пригнуть голову, и стакан вдребезги разбился о парту. По дереву растеклась лужа.

В классе снова воцарилось молчание. На этот раз – выжидательное. Учительница не находила слов и только хватала ртом воздух, как полураздавленная лягушка. Одноклассники ждали, что сделает Веглао. И она сделала то, чего они добивались, хотя краешком сознания осознавала, что поступает неправильно. Но сейчас ей было так паршиво, так ужасно, что она молча поднялась на ноги и не глядя сунула в сумку подмокшую тетрадку. Карандаш покатился по парте и упал на пол, и Веглао не стала его подбирать. Она просто быстро вышла из класса.

По коридору она вначале шла, а потом бросилась бежать. Её топот разбудил вахтёршу, и, встрепенувшись, она завертела головой.

– Чего это ты? – мужским голосом спросила старуха, оторопело глядя на Веглао, но девочка, всхлипывая, уже выбежала за дверь.

Она опрометью пронеслась по всей деревне, зажимая себе рот, чтобы не разрыдаться в голос, но слёзы всё равно брызгали из её глаз. Заляпав грязью подол юбки и чулки до колен, она домчалась до дома и, простучав по ступеням крыльца ботинками, влетела внутрь.

Больше уже она никогда не ходила в школу. Вместо этого она почти всегда сидела дома – главным образом из-за того, что погода стояла по большей части отвратительная, – или же бродила по окрестностям, не заходя в деревню. Таким образом у неё образовалось очень много времени для размышлений о том, что с ней случилось и что будет дальше.

Пять лет назад жизнь Веглао очень изменилась, и совсем не в лучшую сторону. Тогда ей казалось, что теперь уже ничего не будет так, как прежде. Но всё-таки она ошибалась. Даже потеряв почти всю свою семью, она оставалась человеком, обычной девочкой, которая ходила в школу, могла завести друзей и, в отдалённой перспективе, выйти замуж и в конце концов умереть в окружении детей и внуков. Сейчас двери школы были для неё закрыты, друзья потеряны, а будущее представлялось таким же тёмным, страшным и залитым кровью, как та ночь, в которую она стала оборотнем.

Оборотни... Нелюди, наполовину звери, страшные и безжалостные. Такими они были в страшилках, которые рассказываются возле костра в ночном поле или в детской комнате, когда все старшие легли спать. В детстве Веглао любила их слушать, и вот уж не думала, что однажды страшная история произойдёт с ней самой.

Когда-то, когда она была ещё маленькой, её страшно интересовало, каким образом появляются на свет дети. Точнее, даже не само рождение, а то, каково это – носить ребёнка в своей утробе. И Веглао постоянно изводила маму вопросами об этом. Мама, выносившая пятерых детей, терпеливо каждый раз говорила: «Это всё начинается одинаково: ты чувствуешь, что вот тут, – она клала руку на живот, – прямо под сердцем, что-то живое свернулось, как маленькая улиточка». На ум Веглао эти рассказы об «улиточке» производили потрясаю-

щее впечатление. Часто после таких разговоров она, ложась спать, клала руку себе на живот и замирала, задерживая дыхание, стараясь почувствовать: а может, в ней уже это есть?

Теперь она понимала, о чём мама говорила, но в её собственном случае всё было как-то дьявольски обезображено. Маленькое существо свернулось не под сердцем, а прямо в нём, как злобный хищный червяк-паразит, и вызывало не счастливые мысли, а страх и ненависть. Это существо представлялось Веглао волком в миниатюре, чем-то чужим, не принадлежащим её телу, даже созданным из другого вещества, нежели она сама. И это существо ненавидело её, только и ждало своего часа, чтобы проснуться, вырасти и заполнить её целиком, а тогда... что произойдёт тогда?

Так или иначе, только теперь её тело уже не принадлежало ей; говоря точнее, теперь оно принадлежало *не только ей*, и надо было мириться с этим, надо было как-то с этим жить.

Веглао понимала это так: словно в большом доме, принадлежащем ей одной, есть маленькая и всегда запертая комната, в которой сидит зверь. Веглао может гулять по всему дому, заходить в каждую комнату, брать вещи и перекладывать их с места на место, но к этой комнате даже приближаться страшно. Раз в месяц чудовище становится настолько сильным, что просто-напросто вышибает дверь, и вот тогда дом полностью переходит в его власть, а ей остаётся только спрятаться где-нибудь и переждать.

И с каждым днём глухое рычание за этой дверью становится всё громче. И с каждым днём дверь вздрагивает всё чаще...

Что будет, когда наступит полнолуние? Интересно, превращаться больно? А если больно, то насколько? А что, если она умрёт в ту ночь, или убьёт кого-нибудь? Вопросов было слишком много, а ответов – ни одного, и узнать их было негде. Но больше всего Веглао хотела узнать о том, кто её укусил. Ещё не зная его, она испытывала к нему ужас и ненависть. За что так с ней? Что она ему сделала?

Быстро догадавшись, что превращение в оборотня не делает твоё человеческое тело сильнее, Веглао решила, что в человеческом облике её губитель вряд ли так уж страшен. Поэтому она не боялась встречи с ним так сильно, как Тальнар – напротив, ей даже немного хотелось его встретить, просто чтобы узнать, кто он, кого она может ненавидеть, кому она может отомстить.

И однажды это желание исполнилось.

Как-то утром в выходной день Веглао сидела у себя в комнате, а Ригтирн был внизу. Он как раз поставил на плиту чайник и уже хотел позвать сестру, чтобы она помогла ему готовить завтрак. В это время в дверь постучали, и Ригтирн направился в сени, чтобы открыть дверь. На пороге стоял Тальнар. Он был необычно бледен и выглядел очень взволнованным. Увидев Ригтирна, он инстинктивно подался назад, а на его лице появилось и быстро исчезло выражение странного стыда.

– Тальнар? – удивлённо спросил Ригтирн, приподняв брови. – Не ожидал тебя видеть. Ты зачем пришёл?

Тальнар быстро обернулся, посмотрел на лес, а потом, повернувшись к Ригтирну, тихо сказал:

– Мне надо поговорить с...

– Ох, чёрт! – вырвалось у Ригтирна: за его спиной в кухне раздалось шипение – чайник закипел, и вода пролилась из-под крышки на горячую плиту. – Подожди секунду! Я сейчас, – и он скрылся в доме.

Когда Ригтирн вернулся, то увидел, что Тальнар, прислоняясь спиной к стене, дрожащими пальцами пытается зажечь спичку.

– Ты что, куришь? – поинтересовался Ригтирн. – И давно?

– Почти месяц, – тихо проговорил Тальнар. Спичка в его руках треснула и сломалась. Он уронил её на пол, посмотрев на зажатые в руке коробок и папиросу и, как будто не понимая, что это, медленно убрал их в карман.

Ригтирн только сейчас заметил, как Тальнар изменился. Глаза его покраснели, а лицо осунулось и стало сероватым, болезненным. Он казался много старше, чем был месяц назад. Его одежда была очень грязной, в некоторых местах ткань была порвана и неуклюже зашита. Белокурые волосы спутались, ногти на руках почернели от грязи. Он выглядел так, как будто несколько недель жил в лесу. Хмурое, ненавидящее подозрение стало закрадываться в душу Ригтирна.

– Что с тобой? – медленно спросил он. – Ты уже знаешь про Веглао?

– Да, знаю, – столько было муки в его голосе, что Ригтирну стало страшно.

– Ригтирн, – дрожащим голосом произнёс Тальнар, не глядя на него. – Ригтирн, я... Я должен тебе кое-что сказать. Насчёт Веглао.

– Что?

Тальнар замолчал, и вдруг его лицо странно надломилось – по-другому и не скажешь. Он прижал сжатый кулак ко лбу и глухо заплакал почти без слёз.

– Так это ты, – страшным тихим голосом произнёс Ригтирн.

Не глядя на него и не престаивая рыдать, Тальнар несколько раз кивнул.

– Мерзавец, – помертвелыми губами проговорил Ригтирн. – Подонок! Что ты наделал?!

– Мне жаль... – Тальнар задохнулся, не успев окончить фразы: Ригтирн резко развернул его к себе и ударил по лицу кулаком. Он ударял его снова и снова, с каждым ударом из его груди вырывалось короткое рычание, похожее на рычание зверя, увидевшего своего мёртвого детёныша. Голова Тальнара моталась из стороны в сторону, и перед его глазами мелькало то серенькое, печальное небо, то тёмная от сырости стена дома, то перекошенное от гнева и горя лицо Ригтирна. Тальнар не пытался сопротивляться. Ещё один удар отбросил его назад, спиной на перильца, а следующий сбил с ног. Тальнар упал тяжело и больно.

– Бей... Так мне и надо.

Ригтирн молчал и не двигался, тяжело дыша. Наконец он всхлипнул и привалился спиной к стене, закрыв лицо руками. Страшно было смотреть на этого большого и сильного человека, раздавленного своим горем.

С трудом Тальнар поднялся на ноги и ухватился за стену дома.

– Ригтирн, – жалобно позвал он.

– Проваливай, – отозвался Ригтирн. Голос его звучал глухо из-за того, что он закрывал лицо ладонями.

– Ригтирн, мне правда... правда нужно рассказать кое-что.

В этот момент дверь открылась, и на крыльцо вышла Веглао. Она испуганно посмотрела сначала на брата, потом её взгляд упал на Тальнара. Их глаза встретились, и тут Веглао всё поняла. Побледнев, она отступила назад, и брат, отняв руки от лица, крепко обнял её за плечи, будто защищая.

Тальнар хотел просить у неё прощения, хотел рассказать обо всём, что с ним случилось, как его мучили и запугивали, но вместо этого только сказал:

– Тебе надо пойти со мной.

– Она никуда не пойдёт! – рявкнул Ригтирн. Его руки, скрещённые на груди сестры, побелели от напряжения.

– Ей придётся пойти! – выдохнул Тальнар. – Веглао, меня укусил Кривой Коготь... он знает, что я на тебя напал, и если ты не придёшь в его стаю, он...

Ригтирн оскалился, глаза его сверкнули. Он явно хотел уже вновь выкрикнуть что-нибудь, но в этот момент заговорила Веглао.

– Кривой Коготь? – тихо переспросила она, нахмурившись. – Тальнар, ты... ты зачем врёшь? Он ведь умер. Уже пятнадцать лет, как он умер.

– Я тоже думал так, – проговорил юноша. – Но я ошибался. Он укусил меня месяц назад, а потом мне ничего не оставалось, кроме как пойти в его стаю...

– Тебе оставалось! – заорал Ригтирн. Он отстранил Веглао и сделал шаг по направлению к Тальнару. – Тебе ещё как оставалось! Ты мог умереть! Готов поспорить, что у твоего отца был неплохой запас серебряных пуль! Я бы именно так и сделал!

Его слова об отце Тальнара заставили паренька вспыхнуть. Разозлившись, он толкнул Ригтирна обеими руками в грудь. Ригтирн так удивился, что отступил на шаг. Ни один из них не заметил, что Веглао быстро скрылась в доме.

– Твоя сестра теперь тоже оборотень! – выпалил Тальнар. – Как я! Как Кривой Коготь! Она оборотень! И через месяц, когда придёт полнолуние, она укусит кого-нибудь здесь... как я! Ты не думал о том, что легче будет её убить, а, Ригтирн?

Ригтирн сжал кулаки, и в этот момент со стороны двери раздался тихий щелчок. Оба обернулись.

На пороге стояла Веглао. Щелчок оказался звуком снятого предохранителя пистолета, который она держала в руках, направив на Тальнара.

– Прекратите, – тихо сказала она. Её глаза, полные слёз, блестели, как большие стеклянные бусины. – Уходи, Тальнар. Пожалуйста, уходи.

Тальнар протянул к ней руки:

– Веглао, я тебя прошу, пойдём со мной.

– Уходи, – повторила Веглао. Слёзы покатились из её глаз, и следующие слова она произнесла уже со всхлипами: – Я... я тебя люблю, Тальнар... но уходи.

Тальнар отступил к лестнице. Он смотрел то на сестру, то на брата. В их таких похожих глазах было такое непохожее выражение. Ригтирн своим взглядом желал Тальнару смерти. Веглао же прощалась с ним. В её глазах было всё то, что она никогда ему не говорила и уже никогда не скажет.

Тальнар больше не мог здесь оставаться. Он быстро спустился с лестницы и зашагал к лесу. Его слегка замутило, когда он проходил через то место, где обратил Веглао, и он не смог удержаться, чтоб не обернуться. Девочка всё ещё стояла на крыльце. «Прощай, Тальнар, – говорили её глаза.

«Прощай, Веглао. Прости меня. Пожалуйста, попробуй меня простить».

«Попробую. Но только не сейчас. Уходи, Тальнар, пожалуйста. Уходи».

8

День шёл за днём, и постепенно Веглао начала ощущать, что с ней что-то происходит. Все её чувства заострились, как будто от её глаз, ушей, ноздрей, рецепторов кожи отлетали тонкие плёнки, делавшие восприятия более слабыми. Она не стала сильнее физически, её тело оставалось телом хрупкой тринадцатилетней девочки, но её слух и обоняние стали очень сильными, а зрение приобрело странную особенность: живых существ она стала видеть немного чётче, чем мебель, дома и растения. Было и ещё кое-что, о чём она предпочитала не только не говорить, но даже не думать. Зверь в её сердце стал каким-то уж очень активным. Временами Веглао ощущала, как он (а точнее, она) шевелится, а иногда она могла слышать мысли чудовища. Собственно говоря, мысли эти скорее можно было бы назвать галлюцинациями: только что Веглао думала о чём-то отстранённом, например, о том, как холодно на улице или как зудит обожжённый слишком горячим чаем язык, и вдруг в её мыслях возникали странные, смутные образы – то тёмный лес, залитый лунным светом, то волчьи следы на глинистом речном берегу, а иногда (и это самое страшное) —окровавленные мертвецы. Эти картинки были всегда чёрно-белыми.

Девочка не могла не заметить, что сила её чувств растёт и прибывает вместе с луной, которая с каждой ночью неумолимо округлялась. Ей было страшно думать о том, что будет в полнолуние, но её мысли постоянно вертелись вокруг него, как мотыльки у огня. Ещё в больнице она услышала разговор Ригтирна с врачом, в котором врач сказал, что многие новообращённые оборотни погибают в своё первое полнолуние, не выдерживая боли. Если это так, то ей снова грозит опасность. Про себя Веглао уже решила, что у неё нет шансов, и так свыклась с этой мыслью, что, когда однажды Ригтирн завёл разговор о том, что они будут делать после полнолуния, Веглао удивлённо подняла на него глаза – она и не думала, что для неё может быть ещё хоть что-то после полнолуния.

О том, что с ней происходит, она не говорила брату. Она прекрасно знала, что это означает, а Ригтирна ей пугать не хотелось. Незаметно прошёл сентябрь, брат и сестра потихоньку собрали урожай, а копать картошку Ригтирн отправился в одиночестве. Сестре он сказал, что не хочет, чтобы она простудилась на необычно холодном ветру, но Веглао понимала, что он просто не хочет видеть косых взглядов остальных селян, и была ему за это благодарна. За сбором урожая, походами за грибами и заготовкой дров время летело очень быстро – слишком быстро. Наконец пришло и полнолуние – оно было в середине октября.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.